

Краеведческий альманах

Администрация Выксунского района дарит своим землякам замечательный подарок – серию статей об истории приокского края, о людях, ковавших славу городу металлургов. Сегодня, решая насущные социально-бытовые и экономические проблемы, важно не забывать, что именно в глубине веков таятся истоки трудолюбия и мощного потенциала жителей города мастеров. Авторы и создатели данного сборника сумели донести до читателей чувство глубокого уважения к истории, традициям Выксы, людям, живущим в этом замечательном городе.

*Губернатор Нижегородской области
В. П. Шанцев*

**ПРИОКСКАЯ
ГУБЕРНИКА**

Выкса 2008

Приокская глубинка № 1 (4) • 2008

Уважаемые читатели «Приокской глубинки»!

Мы решили не ограничиваться только публикациями выксунских краеведов, потому что историей развития металлургической промышленности центра России занимаются многие историки, краеведы и ученые других регионов. В новом выпуске альманаха Вас ждет встреча с рязанским ученым-краеведом - Ириной Гасановной Кусовой.

Вашему вниманию предлагается ее работа «А. Р. Баташев и его потомки на рязанской земле».

История железозаводчиков Баташевых стала первой темой в ее исследовательской работе.

Г. Никулина

Ирина Гасановна
КУСОВА

А. Р. БАТАШЕВ И ЕГО ПОТОМКИ НА РЯЗАНСКОЙ ЗЕМЛЕ

С Рязанской землей связана история рода одного из самых известных Баташевых – Андрея Родионовича (1731/32–1799) и, отчасти, его брата Ивана Родионовича (1741–1821), крупных российских металлургов второй половины XVIII в.¹

Впервые на рязанщине братья Баташевы появились сразу после «отхода» из Тулы в середине 50-х гг. XVIII в. В 1755 г. они основали Унженский завод; в июне 1758 г. подали челобитную в Берг-коллегию о строительстве в Гусьской волости, близ д. Веркутец (Веркуц) на р. Гусь Гусевского завода, который впоследствии станет одним из самых крупных среди баташевских заводов. Принято считать, что завод был пущен в 1758-59 гг., но в материалах Берг-коллегии он упоминается как строящийся еще и в 1760 г., то есть, вероятно, пуск завода шел поэтапно². В 1776 г. братья приобрели у кн. Репнина Еремшинский за-

¹ Здесь и далее под Рязанской землей подразумевается территория современной Рязанской области.

² РГАДА, ф. 271, оп. 1, ч. II, кн. 1156, лл. 3-7.

вод, построенный им в 1755 году. Это последняя совместная покупка братьев на Рязанской земле.

В 1783 г. братья «полюбовно» разделились. Унженский завод отошел Ивану, Гусевский и Еремшинский — Андрею. После раздела Андрей Родионович покидает Выксу и переезжает в Гусь, который отныне и до самой смерти становится его резиденцией. Хотя обосновался там, видимо, не сразу: по документам рязанского архива Андрей Баташев постоянно проживал в с. Веркутец лишь с 1786 г., т. е. спустя три года после раздела³. В течение этих трех лет он активно ищет руду в окрестностях Гуся, скупает земли, в том числе и на аукционных торгах в Москве, и в 1787 г. недалеко от Гусевского пускает новый железный завод на р. Сынтул — Сынтульский. Последний из рязанских заводов, Мердушинский, был построен Андреем Родионовичем в 1791 г. Из пяти перечисленных заводов единственно Сынтульский на протяжении всего существования административно относился к Рязанской губернии, остальные четыре — к Тамбовской (Еремшинский, Мердушинский, Унженский) и Владимирской (Гусевский). Отсюда — почти полное отсутствие документов об этих заводах в Рязани. Гораздо более полно в Рязанских архивах представлена непроизводственная деятельность Баташевых, их семейная жизнь. В основном, это дела о наследстве, разделе имущества, о принадлежности того или иного Баташева к дворянскому роду. На основании изучения этих материалов, отдельных дел Берг-коллегии РГАДА, а также воспоминаний ныне живущих потомков этого рода удалось частично восстановить историю сложных взаимоотношений членов этой семьи, отбросив многие домыслы и легенды постоянно их окружавшие⁴. Можно предположить, что большое количество материалов о Баташевых находится в архивах Владимирской и Нижегородской областей. Частично архивные документы, в том числе богатый семейный архив Баташевых, хранившийся при Гусевской усадьбе и пропавший после революции 1917 г., были изучены еще в прошлом веке. В результате был опубликован ряд газетных и

³ ГАРО, ф. 98, оп. 25, св. 132, д. 4, л. 6.

⁴ Гайдук В. Из народных преданий об А. Р. Баташеве // Труды Рязанской ученой архивной комиссии. — Рязань, 1907. — Т. XXII, Вып. 2.; Чекина Л. П. Орлиное гнездо: (Ист. очерки). — Касимов, 1990.

Андрей Родионович
Баташев

журнальных очерков⁵. Тем не менее многие вопросы остаются невыясненными и поныне.

Нет достаточной определенности в вопросе о времени переезда Андрея Баташева в с. Веркутец. Если по материалам ГАРО это 1786 г., то по другим источникам — 1785 г.: «785 году онный господин Баташев писан в приходе с. Веркутец жительствовавшим в селе с женою Афимьею Семеновою»⁶.

Афимья Семеновна — дочь тульского купца Семена Ивановича Пальцова — первая жена Андрея Родионовича. От этого брака у Баташева было не менее

двух детей: дочь Наталья, отданная замуж за тульского купца Ивана Ливинцова, и сын Андрей — старший (1755/56—?).

Афимья Семеновна умерла в 1785 году. Если исходить из показаний дворянских списков Касимовского уезда за 1788 г., где Андрей Родионович записан 56-летним, к моменту смерти первой жены ему исполнилось 53 года⁷. Но эти данные нуждаются в уточнении, поскольку возникают некоторые разногласия с другими источниками.

26 ноября 1786 г. Андреем Родионовичем была куплена дворовая девка Матрена Егорова, будущая вторая жена Баташева. Куплена, очевидно, вместе со своими родными, так как ее отец, Егор Гурьев (Гуреев), также числился среди слуг Баташева. Спустя три месяца, 1 марта 1787 г., Баташев подписал Матрене вольную, а 8 июля того же года обвенчался с ней в Преображенской церкви соседнего села Русский Погост⁸. От этого брака у Баташева оста-

⁵ 5. Печерский А. Семейство Барбашевых // Афиши и объявления. — 1834. — №№ 343-346; Белокопский И. П. Баташевское дело // Русские ведомости. — 1891. — № 300; Он же, А. Р. Баташев // Русские ведомости. — 1891. — № 167.

⁶ РГАДА, ф. 271, оп. 1, ч. IV, д. 2263, л. 221.

⁷ ГАРО, ф. 98, оп. 25, св. 132, д. 4, л. 4.

⁸ Там же, л. л. 17-22.

лось трое сыновей: Андрей — младший (1787—1819), Николай (?—1829) и Иван (?—1845).

Вероятно, предвидя, что будущее сыновей не будет легким, Баташев спешил упрочить их положение: в 1790 г. записал трехлетнего Андрея-младшего в лейб-гвардии конный полк, откуда тот был отставлен «за болезнью» через четыре года гвардии корнетом. Офицерское звание обеспечивало его владельцу право на дворянство независимо от происхождения, что позднее, после смерти отца, существенно облегчило судьбу Андрея-младшего. Он смог сравнительно безбедно прожить, владея стеклянной фабрикой в с. Митине Касимовского у. и другим движимым и недвижимым имуществом, переданным Андреем Родионовичем Матрене и Андрею-младшему по 33 купчим в 1795 и 1797 гг.

И второго сына, Николая, Андрей Родионович Баташев также намеревался «пристроить»: обращался во Владимирское дворянское собрание «за грамотой о сыне для записки в гвардию», но, видно, ничего не вышло, так как позднее Николай будет называться унтер-офицером без каких-либо упоминаний о гвардии⁹.

С сыном от первого брака у Андрея Родионовича, судя по всему, складывались непростые отношения. Когда Андрею-старшему, или, как его еще называли, Андрею Черному, исполнилось 17—18 лет, он был послан отцом на три года «для снискания потребных для него знаний в иностранные европейские государства». Андрей Родионович хотел подготовить себе достойного преемника¹⁰. Но то ли сын не оправдал отцовских надежд, то ли их взаимоотношения осложнились после второй женитьбы отца (что более вероятно), как бы то ни было, но если в середине 80-х гг. XVIII в. Андрей-старший еще жил в Гусе, то в 90-х гг. отставной поручик Андрей Андреевич Баташев находился уже далеко от отцовского дома. Вместе с семьей, женой Пелагеей Ивановной, дочерью тульского купца Ивана Петровича Лугинина, и малолетним сыном Петром (1787—?), он проживал в Нижегородской губернии, где по поручению отца управлял одним из самых отдаленных заводов — Илевским.

⁹ ГАРО, ф. 98, оп. 25, св. 132, д. 4, л. 15.

¹⁰ РГАДА, ф. 271, оп. 1, ч. II, д. 1331, л. 461.

Могила Андрея
Родионовича Баташева
в Гусе-Железном

По утверждению Л. П. Чекиной и И. П. Белоконского, в конце XIX — начале XX вв., просматривавших семейный архив Баташевых в Гусе, Андрей Родионович был трижды женат¹¹. Никаких ссылок на документы при этом не делается. Эту версию как будто подтверждает свидетельство того же Белоконского, который в 1891 г. на заводском кладбище рядом с могилой А.Р. Баташева видел «железную пирамиду над могилой одной из жен Андрея Родионовича». Надпись на пирамиде гласила: «Под сим памятником погребено тело вдовы Акулины Матвеевны, которая родилась в 1749 г. июня 2 дня, а скончалась в 1819 г. июня 7 дня в 4 часа пополудни...»¹²

По возрасту Акулина Матвеевна вполне подходит под описание третьей жены у Чекиной. При этом, если принять во внимание дату смерти второй жены Андрея Родионовича, Матрены, (1828 или 1829 г.), получается, что третий раз Баташев венчался будучи женатым, что также косвенно подтверждается многочисленными преданиями. Однако документальных доказательств на этот счет найти не удалось.

Андрей Родионович умер 19 декабря 1799 г., не оставив духовного завещания, что предопределило многолетнюю склоку между наследниками по линии первого и второго брака покойного заводчика. 18 мая 1800 г., по решению Нижнего земского суда Меленковской округи, Матрена вместе с детьми была введена во владение «в половину домовых покоев и той же округи всех крестьян». Андрей-старший, официально согласившись с решением суда, тем не менее начал чинить мачехе всевозможные «тесные последствия», сначала полностью отстранив ее от заводских дел и в конце концов изгнав ее из дома¹³.

¹¹ Чекина Л. П. Указ. соч. — С. 19; Белоконский И. П. Баташевское дело.

¹² Белоконский И. П. А. Р. Баташев.

¹³ РГАДА, ф. 271. оп. 1, ч. IV, д. 2263, лл. 74, 223.

Случай помог Андрею Черному утвердиться в правах единственного наследника: 26 октября 1801 г. сгорел походный синодальный архив, где хранились метрические книги с записями о венчании Андрея Родионовича и Матрены Егоровой. Ссылаясь на отсутствие документов, Комиссия Синода своим решением от 20 марта 1802 г. признала брак Матрены и А. Р. Баташева недействительным, а Андрея-старшего – единственным наследником Андрея Родионовича. К нему перешло все огромное состояние отца: семь железных заводов, дома, мельницы, многотысячные земельные угодья, десятки сел и деревень и более 10 тыс. крестьян и мастеров. Все имения располагались на территории пяти губерний: Рязанской, Владимирской, Нижегородской, Тамбовской и Тульской¹⁴.

Андрей-старший, также, как и отец, был дважды женат. О судьбе его второй семьи подробно, но не называя подлинных имен, написал П. И. Мельников-Печерский¹⁵. Еще при жизни Андрей Черный перевел все свое имущество на вторую жену Феклу Матвееву. «Не оставляю я, Баташев, за собою ни крестьян ни единыя души, ни земли ни единого четверика, а все без остатка по совершению сей записи вступает ей, жене моей, во владение всеми осми именьями и в жизнь мою распорядить оными...», – записал он 2 октября 1815 г.¹⁶

После Андрея-старшего осталось четверо детей: сын Петр от первого брака, который жил уединенно, видимо, холостым, в одном из имений, и трое детей от второго брака, к предпринимательству совершенно не склонных. Две дочери, Вера Андреевна Посникова и Феокиста Андреевна Панова, вышли замуж за генерал-майоров и проживали в Москве. Сын – Сила Андреевич Баташев – пошел по военной части: служил в лейб-гвардии гусарском полку, прошел войну 1812 года, дослужился до чина полковника.

Что касается второй жены Андрея Родионовича, Матрены Егоровой, то она, изгнанная из дома пасынком, сначала обосновалась вместе с детьми в «новопосельной» де-

¹⁴ ГАРО, ф. 725, оп. 1, д. 433.

¹⁵ Печерский А. Указ, соч.; Мельников П. И. (А. Печерский) Семейство Богачевых. Рассказы и повести. – М., 1963.

¹⁶ ГАРО, ф. 725, оп. 1, д. 607, л. 62.

ревне Филипповой Меленковского уезда, а затем переехала в Петербург¹⁷. В Петербурге 11 февраля 1816 г. ее сын, Андрей-младший, обвенчался в церкви Александра Невского (что при втором кадетском корпусе) с «девицею и кавалер поручика Михаила Андреева дочерью Агриппиной»¹⁸. Неизвестно, где и как жили молодые Баташевы; известно лишь то, что их семейная жизнь продолжалась весьма недолго. Андрей-младший скончался спустя три года после женитьбы. Записи о смерти Андрея Андреевича и его брата, Николая Андреевича, были сделаны в метрических книгах с. Былина Касимовского уезда: помещик А. А. Баташев скончался 14 июля 1819, отставной унтер-офицер Н. А. Баташев – 7 августа 1829 г.¹⁹

Николай умер, вероятно, холостым – в архивах нет ни единого упоминания о его семье. Вопрос о наследниках Андрея-младшего остается невыясненным: по одним источникам, он умер бездетным, по другим – после него остались дети, в числе которых упоминается Александр Баташев²⁰. После смерти Андрея-младшего остались крупные долги (более, чем на 300 тыс. руб.), в счет которых были описаны его Рязанское и Владимирское имения²¹.

В конце 1828–1829 гг. умерла и сама Матрена Егорова. В отличие от жены своего пасынка, властолюбивой Феклы Матвеевой, чья судьба изначально была очень схожа с Матрениной – обе из простолюдинок, обе взяты вторыми женами в господский дом, – Матрена не имела никаких амбиций. Овдовев, по ее собственному утверждению, «во все продолжение времени снискивала себе пропитание трудами рук своих», а к концу жизни жила «за счет сострадательных к роду человеческого христиан». При жизни Андрея-младшего находилась под его опекой, а после его смерти оказалась без родственного призрения. Невестка, вдова Андрей-младшего, вскоре вышла второй раз замуж и перестала выплачивать Матрене деньги, положенные сыном на ее содержание. Матрена, так до конца жиз-

¹⁷ РГАДА, ф. 271, оп. 1, ч. V, д. 19, л. 272.

¹⁸ ГАРО, ф. 725, оп. 1, д. 357, л. 56.

¹⁹ Там же, л. 104.

²⁰ Там же, лл. 15, 23.

²¹ Там же, д. 792.

ни и не выучившаяся грамоте, вынуждена была полностью довериться некоему Никите Кузьмичу Зарницыну, коллежскому советнику, который после ее смерти начнет бессовестно злоупотреблять своим положением душеприказчика и растратит деньги, ему не принадлежавшие²².

Вероятно, Матрена не оставляла попыток добиться пересмотра дела о наследстве Андрея Родионовича, поскольку 31 декабря 1830 г. последовало решение Сената о восстановлении в законных правах Матрены и ее сыновей. К этому времени в живых оставался последний сын Матрены и А. Р. Баташева – Иван Андреевич. И. П. Белоконский утверждает, что еще до разрешения вопроса о наследстве Иван Баташев «был назван Иваном Гусевым и отдан в солдаты»²³. Неизвестно, каким образом и где протекала служба солдата Ивана Гусева, но, спустя полтора месяца после выхода Сенатского указа, он уже «жительство имел в Санкт-Петербурге, Петербургской части 3 квартала под № 588» и числился коллежским регистратором²⁴.

На основании этого указа Владимирская гражданская палата в 1835 г. произвела раздел баташевского наследства. Все имение было поделено на семь частей. По линии Андрея Андреевича-старшего наследовали: от первого брака – 1) сын Петр Баташев; от второго брака – 2) жена Фекла Матвеева с сыном Силой Андреевичем Баташевым; 3) дочь Феоктиста Андреевна Панова; 4) дочь Вера Андреевна Посникова; по линии Матрены Егоровой – 5) сын Иван Андреевич Баташев; 6) вдова Андрея Андреевича-младшего Агриппина Михайлова, по второму мужу Дурова. Седьмая часть – доля самой Матрены, к тому времени покойной, согласно ее завещанию передавалась в распоряжение ее доверенного лица Н. К. Зарницына с тем, чтобы он «не оставил призранием» ее детей и внуков.

Все родовое имение было оценено более чем в 6,6 млн. руб. Большая часть, за смертью двух братьев, досталась Ивану Андреевичу – 2.716.700 руб.²⁵ Семь баташевских заводов распределены были следующим образом: Петр насле-

довал Илевский и Вознесенский, Фекла с Силой – Еремшинский и Мердушинский, три остальных – Гусевский, Сынтульский и Верхне-Унженский – достались Ивану. К моменту раздела заводы были не в лучшем состоянии. Сказалось изменение конъюнктуры (падение спроса на железо вследствие сокращения экспорта и казенных военных заказов), а также отсутствие подлинных хозяев: с 1821 г. ввиду запутанности владельческой принадлежности заводов они находились в ведении Меленковской дворянской опеки. Опека сохранялась и после раздела, поскольку Иван Андреевич, не успев получить миллионное наследство, тут же наделал миллионные долги.

Пожалуй, ни один из многочисленных наследников Андрея Родионовича не сумел даже приблизиться к своему могучему предку по предприимчивости, деловой хватке и силе духа. Все они, за исключением Мануила Ивановича, лишь основательно разваливали дело, когда-то отлично налаженное.

Петр Андреевич умер в конце 1840-х – 1850-х гг., оставив долги, превышающие стоимость его имения. Дело о выморочном имении П. А. Баташева, состоящем в Рязанской и Тамбовской губерниях (в Рязанской губ. владел с. Алешино Касимовского уезда), тянулось в судах более 40 лет. В итоге через Московское горное управление были проданы оба его завода – Илевский и Вознесенский. Все деньги с торгов пошли на уплату казенного долга, частные кредиторы остались ни с чем²⁶.

Почти нет данных о судьбе Силы Андреевича Баташева и его владений. Известно, что он умер в чине полковника до 1842 г., оставив после себя пятерых малолетних детей: сына Андрея, в документах 1863 г. названного отставным подпоручиком, и четырех дочерей (Екатерину, Варвару, Александру и Марию). В 1850–60-х гг. наследники С. А. Баташева имели небольшие владения в с. Русский Погост и д. Давыдовой Касимовского уезда, где им принадлежали 350 крестьян (муж. пола)²⁷. В 1880-х гг. были закрыты Еремшинский и Мердушинский заводы наследни-

²² ГАРО, ф. 725, оп. 1, дд. 23, 357.

²³ Белоконский И. П. Баташевское дело.

²⁴ ГАРО, ф. 725, оп. 1, д. 357, л. 6.

²⁵ Там же, д. 433, лл. 145–147.

²⁶ ГАРО, ф. 98, оп. 104, д. 29.

²⁷ Там же, ф. 694, оп. «Уставные грамоты», д. 80.

ков Силы Андреевича. Следы потомков по этой линии, очевидно, теряются в Петербурге²⁸.

Сравнительно более ясной представляется судьба Ивана Андреевича и его наследников. Получив свою долю в разделе 1835 г., Иван Андреевич не поехал в доставшуюся ему отцовскую усадьбу в Гусе, а остался в Петербурге, женился и прожил до самой кончины (умер в 1844–45 гг.). Его жена, Любовь Петровна, скончалась следом за мужем в 1846 г.

После И. А. Баташева осталось двое детей: сын Мануил (2.05.1840–1910) и дочь Ольга (декабрь 1844–?)²⁹. Малолетние дети росли под присмотром опекуна, родственника по материнской линии, гвардии штабс-капитана Бекетова. Мануил обучался в Петербургском университете, Ольга вышла замуж за помещика Наставина. Последнее упоминание о ней среди землевладельцев Касимовского уезда встречается в 1885 г.³⁰ Все заводы перешли по наследству к Мануилу.

В начале 1860-х гг. Мануил Баташев женился на дворянке Зинаиде Владимировне Эриной (1842/43–1918). С этим семейством у Баташевых были давние связи. По воспоминаниям касимовских старожилов, помещики Эрины (Ерины), родом из обрусевших немцев, владели поместьями в Касимовской округе по соседству с Баташевыми³¹. Девушки Александра и Екатерина, дочери статского советника П. П. Ерина, были восприемниками Мануила и Ольги Баташевых.

Мануил Иванович в отличие от отца жил при Гусевском заводе и сам непосредственно занимался заводскими делами. И Гусевский, и Сынтульский заводы работали неплохо, постоянно увеличивали объемы производства. Именно при Мануиле, в 1885 г., на его заводах была сооружена регенеративная пудлинговая печь с двумя рабочими пространствами.

²⁸ Интересные данные, проливающие свет на судьбы некоторых представителей рода Баташевых, были приведены в докладе Ю. М. Пирютко на конференции «Тульский металл в истории российской промышленности и предпринимательства» (Тула, 1992 г.).

²⁹ ГАРФ, ф. 98, оп. 25, св. 132, д. 4, л. 41.

³⁰ Там же, ф. 694, оп. 20, д. 51.

³¹ Федин Н. Легенды и быль о Баташевых //Новая мещера.- 1990.- № 144.

Помимо железных заводов, Мануил Иванович владел ватной фабрикой в с. Митине, которую, впрочем, сдавал в аренду; двумя водяными мельницами в с. Митине и при Гусевском заводе, «служил в дворянстве». По неуточненным данным, владел судами, которые ходили по Клязьме и Оке.

У Мануила Ивановича и Зинаиды Владимировны было двое детей: сын Виктор (13.09.1865–1916) и дочь Мария (1871–?). Мария получила домашнее воспитание, вышла замуж за сына московской домовладелицы Митрофана Петровича Дружинина и жила в Москве³².

Семейные взаимоотношения Баташевых складывались весьма своеобразно. Зинаида Владимировна была женщиной властной, жесткой и самостоятельной. Супруги подолгу, годами, жили врозь – в Меленках, Н. Новгороде, Рязани и Москве. В Рязани у Зинаиды Владимировны был большой двухэтажный деревянный дом с земельным участком и хозяйственными пристройками. В 1902-1903 гг. она продала этот дом Рязанскому Дворянскому собранию под пансион-приют. Пансион, правда, так и не открыли и сдавали дом городской управе под воинский постой и сводный лазарет³³. Дом этот и сейчас стоит в Рязани на углу ул. Либкнехта и ул. Щедрина. В Москве, как правило, Баташевы останавливались у своих родственников Дружининых на ул. Садовой. Там же, в Москве, находился Виктор: в конце 1880 – начале 1890 гг. он обучался в Лицее Цесаревича Николая.

Несмотря на странные отношения с супругой, Мануил Иванович именно ей, а не сыну, завещал заводы и имения «в пожизненное владение», видимо, не считая Виктора подходящей кандидатурой на роль заводовладельца. К этому времени имение Баташевых составляло до 52 тыс. десятин земли во Владимирской и Рязанской губерниях и действующий Сынтульский чугунолитейный завод с приписанными к нему мастеровыми числом 1500 душ³⁴. Гусевский завод был остановлен в 1904г. во время разразившегося в стране промышленного кризиса.

³² ГАРФ (ранее в ЦГАОР), ф. 63, д. 246, т. 1, л. 116.

³³ ГАРФ, ф. 98, оп. 116, д. 33.

³⁴ ГАРФ (ранее в ЦГАОР), ф. 63, д. 246, т. 1, л. 246.

Завещание М. И. Баташева не покажется столь нелогичным, если поближе познакомиться с личностью его сына. Виктор Мануилович был натурой неординарной, несомненно талантливой и очень артистичной. По семейным преданиям, он получил разностороннее образование: закончил юридический и медицинский факультеты Московского университета и консерваторию по классу фортепиано. Был знаком и едва ли не дружен с Сергеем Рахманиновым, да и сам был одарен музыкально. Живой и непоседливый, любил погулять, любил шумные компании — в имении Баташевых всегда было многолюдно. Не раз путешествовал по Европе, мечтал попасть в Индию. Продолжая семейные традиции, был два раза женат. Первый брак, с Анастасией Николаевой, был непродолжительным и бездетным. Во втором браке, с Глафирой Ивановной Кленовой (1876—1952), Виктор Мануилович имел четырех детей: Мануила (1900—?), Зинаиду (1899—1960), Ольгу (1901—1990), Софью (1904—1985)³⁵.

После смерти Мануила Ивановича Виктор, чувствуя себя обделенным, начал тяжбу с матерью за имение. Ввиду спора наследников, все имущество было передано в ведение опекунского управления. В семейное противоборство была втянута вся округа: крестьяне, рабочие завода, уездное начальство. Они принимали то одну, то другую сторону, внося еще большую путаницу. Противостояние закончилось со смертью Виктора в 1916 г.

Сразу после Февральской революции Зинаида Владимировна остановила было Сынтульский завод, но невестка, под стать своему мужу, женщина очень живая и энергичная, возобновила его работу. Для этого вошла в правление трудовой артели, созданной при заводе, и наладила работу с поставщиками³⁶.

С начала гражданской войны молодой Мануил Викторович ушел добровольцем на фронт, но вскоре вернулся домой тяжело больным и, так и не оправившись, умер то ли от тифа, то ли от воспаления легких.

³⁵ НА РИАМЗ, д. 3521 (Воспоминания потомков Баташевых).

³⁶ Там же, д. 578 (Котов М. П. Очерки по истории Сынтульского завода).

Вместе с участниками белогвардейского мятежа в Касимовском уезде 16 ноября 1918 г. была расстреляна 75-летняя «Баташиха» (Зинаида Владимировна Баташева). Старуху, расстреляли у стены городского кладбища в Касимове с формулировкой: «за активное и пассивное выступление против Советской власти»³⁷.

Глафира, опасаясь преследований, увезла всю семью в Москву. Перед отъездом предусмотрительно перезахоронила сына и мужа — перенесла их прах из семейной усыпальницы на деревенское кладбище. В Москве Баташевы прожили до конца своих дней. Дочери Виктора Мануиловича, Ольга и Зинаида, вышли замуж. Ольга — за художника В. М. Свенцицкого, впоследствии директора музея им. Пушкина, друга В. Катаева; Зинаида — за геолога И. Станкевича. Все они похоронены на Ваганьковском кладбище. Их дети и внуки живут в Москве. Среди них историки, архивисты, инженер, профессиональный переводчик и хореограф.

Сестра В. М. Баташева, Мария Мануиловна Дружинина, в 1920-е гг. вместе с семьей эмигрировала сначала в Югославию, а в 1945 г. переехала в Австрию. На юге Австрии, в г. Арнфельсе, и сейчас живут дочь и внучка Марии — Евгения Квитковская (1891 г. р.) и Наталья Аубауэр³⁸.

На территории Рязанской области сохранились исторические памятники, связанные с родом Баташевых. Это заводские строения в п.Сынтул, где и сейчас размещается литейно-механический завод; промышленно-усадебный комплекс и Троице-Никольская церковь в п. Гусь-Железный и церковь Преображения в с. Погост, где, предположительно, венчался Андрей Родионович с Матреной Егоровой.

Особого внимания заслуживают памятники в п. Гусь-Железном, поскольку именно Гусь на протяжении почти полутора столетий оставался основным местом пребывания нескольких поколений Баташевых. Еще при жизни Андрея Родионовича при заводе была выстроена большая усадьба, в духе того времени окруженная крепостными

³⁷ ГАРО, ф. Р-916, д. 489.

³⁸ НА РИАМЗ, д. 2963.

Дом усадьба А.Р.Баташева в с.Гусь-Железный. Фотография конца XIX- начала XX в. Касимовский краеведческий музей

стенами и башнями: «дом господский, каменный, о двух этажах, с флигелями при нем и прочими многими службами, садом и в саду беседками и ранжерейми»³⁹. В саду располагался и домашний театр А. Р. Баташева.

Рядом с усадьбой возвышалась гигантская Троице-Никольская церковь — двухэтажный серого камня храм, построенный в 1802—1868 гг., очевидно, по заказу Андрея Андреевича-старшего. По предположению Г. К. Вагнера, не исключено, что автором проекта этого грандиозного сооружения является В. И. Баженов⁴⁰. В этой церкви крестили поздние поколения Баташевых, начиная с Виктора Мануиловича.

Прямо от усадьбы тянулась километровая плотина с 4 шлюзами тесаного камня, разделяя собой небольшое озеро и огромный пруд. На другом конце плотины начинались заводские постройки.

Главный усадебный корпус Баташевых (ныне отданный под детский кардиологический санаторий) сохранился почти без утрат, отсутствует лишь надстройка над вторым этажом в центральной части здания. Сравнительно благополучно выглядят служебные помещения вокруг дома.

³⁵ РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 2963.

³⁶ Вагнер Г. К., Чугунов С. В. Рязанские достопамятности. — М., 1989. — С. 45.

Постепенно отстраивается разоренная и пустовавшая Троице-Никольская церковь, с 1990 г. в ней идут службы. Тем не менее общее впечатление от усадебного комплекса удручающее. Разрушаются остатки крепостных стен и оранжерей, запущен когда-то ухоженный сад. Развалины театра превратились в земляной холм, поросший деревьями. Сразу за усадебной стеной разрушается двухэтажное каменное здание. Возможно, это тот самый дом, что Баташевы передали жителям Гуся весной 1917 г. под устройство в нем высшего начального училища. Ничего не осталось от гигантского пруда: вода ушла, прорвав шлюзы, в весенний паводок 1923 г.

Несомненно, что столь интересное и памятное не только для рязанской, но и в целом для российской истории место достойно лучшего существования.

Данная работа — один из опытов исследования истории родов русских заводчиков и предпринимателей, темы столь же интересной, сколь и малоизученной. Хочется надеяться, что современные историки и краеведы не обойдут ее стороной — вопросов пока еще остается более чем достаточно.

Гусь-Железный. Фамильная церковь

**Галина Константиновна
НИКУЛИНА**

ПРОВОЛОЧЕНСКИЙ ЗАВОД

Как известно, в группу заводов Приокского рудного района входил и Проволоченский завод, правда, построенный заводчиком Иваном Баташевым уже после раздела между братьями всех заводов в 1783 году.

И, хотя Проволоченский завод не был знаменит в России так, как, например, Верхне-Выксунский, Досчатинский или Сноведской заводы, продукция этого завода пользовалась большим спросом у населения. Иван Баташев построил этот завод в 1803 году в полутора верстах от Вехне-Железницкого (Вильского) завода. Завод, как и все остальные в группе Выксунских заводов, был вододействующим. Двигательной силой служило водяное колесо. Для накопления воды и образования давления, достаточного для вращения водоналивного колеса, был вырыт в русле реки Железницы пруд. По правому, высокому берегу, построена плотина протяженностью в одну версту. Регулировался уровень воды в прудах вешняками.

На территории Проволоченского завода были построены: деревянный одноэтажный корпус размером 27х14 аршин и кирпичный двухэтажный корпус 60х21 аршин. Продолжительность рабочего дня на заводе была по 12-15 часов с перерывом на обед в один час. Мужчины зараба-

тивали до трех рублей в неделю, женщины и подростки - 60-90 копеек.

Завод работал, главным образом, осенью и зимой, а весной и летом рабочие снимались для лесозаготовок и лесосплава. Семьями отправлялись к месту работ и жили буквально под открытым небом. В свободное время они занимались рыболовством и охотой. Часть рабочих отправляли для работы в имениях. Судя по рассказам старожилов, к моменту начала строительства завода никакого поселения на этом месте не было. Владелец заводов скупал мастеров, вывозил их с семьями. Им отпускали лес, из которого рабочие и строили себе дома. Так образовался населенный пункт - село Проволочное.

В 1887 году, когда владельцем Выксунских заводов был капиталист Лессинг, он пригласил с Московского завода Гужона гвоздильного мастера С. И. Зимина, которому было поручено установить 14 гвоздильных станков старой конструкции и обучить людей работе на этих станках. Они были получены из Петербурга. В таком состоянии завод существовал до 1905 года. А в марте того же года завод сгорел от искры воспламенившегося подшипника в полировочном отделе. Пострадало все оборудование.

Со складов немецкой фирмы в Москве были привезены 30 гвоздильных станков лучшей конструкции. Кроме них - 12 более быстроходных полировочных барабанов, 10 волочильных барабанов для протяжки разных номеров проволоки, водяная турбина, нефтяной двигатель мощностью 75 лошадиных сил. Во время пожара владелец завода А. И. Лессинг был за границей и его вызвали по телеграфу.

За короткий срок он восстановил завод. И уже в октябре 1905 года он стал выпускать продукцию. В месяц изготавливалось до 16000 пудов тянутой проволоки, из которой 14000 пудов - проволочные гвозди, а до 2 тысяч пудов, главным образом, тонких сортов, шли на продажу.

К этому времени на заводе работали около трехсот человек. Особенно тяжелыми условия труда были в травильном отделении, где снималась окалина с прокатанной в горячем состоянии проволоки. Проволока опускалась в чаны, наполненные 10-процентным раствором серной кислоты при температуре 35-40 градусов. Вот в таком са-

рае, наполненном сернистыми парами настолько, что в двух шагах не было видно человека, в полумраке, при керосиновом освещении, рабочие-травильщики голыми руками опускали пучки проволоки в чаны с раствором серной кислоты. Таким же способом вытаскивали проволоку из чанов со дна крючком, а с поверхности - руками.

Для нейтрализации после травления проволоку обмывали тут же в чанах с холодной водой, а затем спускали в известковый раствор. Рабочие имели вид прокаженных. Одежда, сожженная серной кислотой, превращалась в лохмотья, руки - в язвы, на лице были почти незаживающие ранки от капель и паров серной кислоты, попадающих во время выливания из бутылей в чаны. Выдерживали на этой работе только старики, которым некуда было деться. Не менее тяжелым был труд у обжигательных печей. Они представляли собой кирпичные камеры размером 1,5x1,5x2 метра - четыре камеры под одной крышей-навесом.

Железные клепаные котлы наполнялись проволокой (примерно 60 пудов), закрывались железной крышкой и замазывались глиной. По дну камер были уложены рельсы. Котлы закатывались на железных валах в печь вручную. Вокруг котла закладывались дрова, поджигались в костер, который поддерживался подбрасыванием дров через железную дверь. Самая мучительная работа была при вытаскивании горячих котлов из раскаленной печи. Выкатывать их приходилось длинными крючками. Котлы часто скатывались с роликов, потому что рельсы почти

Прволоченский завод

всегда были покорожены от нагрева. Очень много было несчастных случаев на этом участке работы.

В конце 1913 года сменился управляющий Проволоченским заводом. Он приступил к проектированию нового травильного отделения и отжигательных печей. Но империалистическая война помешала осуществлению этой затеи. С началом войны изменился и характер производства на заводе. Нужно было огромное количество проволочных заграждений, поэтому изготовление гвоздей было доведено до минимума.

Гвоздильные станки на 60 процентов были остановлены, а рабочие-гвоздильщики - переведены на волочильные барабаны. Все рабочие и служащие, освобожденные от призыва на войну, обязаны были работать и по воскресным дням. К концу 1915 года завод выпускал около 55 тысяч пудов проволоки для военного ведомства.

После Великого Октября изготовление проволоки для военных целей постепенно сокращалось за счет увеличения выпуска гвоздей, и силами мастерских Выксунских заводов изготовлены и установлены к 1919 году дополнительно 8 гвоздильных станков.

В двадцатые годы сохранялся довоенный уровень производства, а, начиная с 1923-24 годов рост производительности труда на заводе начал заметно повышаться и к 1926 году достиг увеличения выпуска продукции на 60 процентов (с увеличением количества работающих на 35 процентов). Одним словом, завод работал стабильно и не знал прорывов в выполнении планов. Но в апреле 1927 года случилась катастрофа. В одном из цехов возник пожар. Был ураганный ветер, и не удалось спасти почти ничего.

С 1927 года Проволоченского завода не существует. Такова судьба последнего Баташевского завода из группы железодельных заводов, входящих в Приокский рудный район.

ОСТАВИЛИ СЛЕД

*Спят в земле мастера-
прапрадеды.
Ни могил, ни имен,
ни крестов,
Ни с пытливым потомком
беседы...
Но, как память безвестным
творцам,
Остаются в веках
многотрудных
И камин, и решетки
к дворцам,
И изящество бюстов
чугунных.*

Лев Шестерев

В романе графа Салиаса «Владимирские мономахи», есть такие слова: «Все население Выксунских заводов было, точно на подбор, народ умный, дельный, деятельный и порядковый. Все всюду шло по заведенному порядку и работало так же, как и машины - отчетливо и однообразно. Население Выксунских заводов пользовалось известной славой, потому что лентяи и рохли незаметно выводились барином». Хотелось бы вспомнить о тех, кто стоял у истоков славы Выксунских заводов, крепил его авторитет мастерством и смекалкой. Трудно их всех перечислить, «но история донесла до нас имена многих, кто принес в прошлом настоящую известность предприятию.

Первым главноуправляющим Выксунскими заводами при Иване Родионовиче Баташеве был Трофим Осипович Жилкин. Он управлял всем имением в течение двадцати двух лет, а умер Т. О. Жилкин в 1800 году. Девять лет главноуправляющим был Максим Перфильевич Горностаев. Он - автор проекта проволочной фабрики, а также нового способа углежжения на заводах. Горностаев впервые внедрил в производство чугунные цилиндры в катальных. Скончался он в 1809 году. Осталось в истории и имя Михаила Игнатьевича Стребулаева, как основателя Сноведского литейного завода. «Первым, русским механиком»

называли в XVIII веке - начале XIX века на заводе Марка Терентьевича Попова, в ведении которого были все механизмы на заводах до 1796 года. Во многом превзошел своего отца его сын - Василий Маркович Попов. Плотины и вешняки были сделаны по его проекту, а также установлены все проволочные станки.

Досчатинским заводом управлял Абрам Иванович Сорокин. Он первым ввел в употребление чугунные круги вместо стальных (для резания железа). Управляющий Сноведским заводом Ефим Алексеевич Кистринов довел художественное литье до той славы, которая приобрела мировую известность. Уже третье столетие русский народ хранит память о мастеровых Лукине и Ястребове, которые построили паровую машину в 1815 году и поставили ее в доменном цехе. В 1836 году впервые в России применили горячее дутье.

Григорий Яковлевич Пономарев, управляющий Велетьменским заводом, вместе со своим сыном Иваном изобрел отливку стали-литовки, что в Англии сохранялось в тайне. Расплавив сталь, Пономаревы выливали ее в формы и не дав еще совершенно остынуть, брали влитый брусок из формы и тянули его под молотом в тонкие прутья, совершенно подобные английским и не уступающие им в качестве. На изломе прутя показывали мелкозернистую сталь.

Пономарев с успехом делал лесопильные пилы для ручных пильщиков. Впервые также им была изобретена и внедрена в производство пильная об одной раме - с очень простым механизмом: на валу водяного колеса надето зубчатое, которое сообщается с шестерней, находящейся на коленчатом валу пильной. Этот вал, вертясь, водит своим коленом вниз и вверх раму с пилами.

Памятник мастерам - основателям рабочей слободы Булатня при Нижневыксунском заводе

Известными в России мастерами художественного литья на Сноведском заводе были братья Личновы - Николай Афиногенович и Михаил Афиногенович. За свои заслуги были они погребены на сноведском кладбище в кафтанах, расшитых позументами. Это считалось высшей наградой, дарованной заводчиком.

В чугунолитейном цехе Выксунского завода лучшим литейщиком считался сын Николая Афиногеновича Личнова - Петр Николаевич. На Выксунских заводах были целые династии мастеровых рабочих - фамилии были известны на промышленных предприятиях, их приглашали на заводы Луганска, Юрьевки, Юзовки как очень опытных специалистов.

Представители каждой династии владели определенной профессией. Династия Алексея Зубакова (по прозвищу машин) была прокатчиками железа. Династия Николая Мирошина (прозвище барей) - лучшие мастера и прокатчики мелкосортного железа. Династия Алексея Боровкова (прозвище струна) была известна как хорошие прокатчики и вальцовщики мелкосортного железа.

Рабочие ремонтно-механической мастерской. Начало XX века

Павел Бобров - мастер пудлингового цеха. И его, дети и внуки были прокатчиками. Дети пудлингового мастера Евграфа Башилова стали вальцовщиками листопркатного цеха, Николай Ябриков, Иван Смирнов, Иван Козоедов зарекомендовали себя как знатные мастера пудлингования. Николай Гнусарев освоил первую паровую машину для пароходов, курсирующих по Оке. Потомки его - прокатчики. Семьи Егора Капитанова, Ивана Серегина, Алексея и Василия Козиных стали известны как прокатчики железа. Иван Савин - мастер по ремонту паровых машин - привил детям любовь к труду, они стали токарями по металлу. Династии Петра Забегаева и Федора Белавина известны кузнечным мастерством. Опытными машинистами паровых машин стали представители фамилии Ереминых. Мастерами листопркатного производства зарекомендовала себя семья Коршуновых.

Трудно назвать все имена. Ведь передавались рассказы о мастерах из поколения в поколение устно. И не было на них заведено личных дел, и не писали они своих мемуаров.

Имена их были отлиты на надгробных плитах кладбища при Малой церкви, ведь почти все мастера погребены были там. Но и тут мы оказались «иванами, не помнящими родства». Виноваты мы перед ними, потомки их. Могилки стерты с лица земли. Но ведь они жили на этой земле, оставив большой след в истории Выксунских заводов.

СНОВЕДСКИЕ ЗАВОДЫ

Из поколения в поколение среди рыбаков идет молва, а некоторые видели и сами, что ниже Красного Бакена, в старице Оки, затоплена баржа. Говорят, с рудой. При малой воде борта ее отчетливо видны из воды. Как могла она оказаться в тех местах, ведь Сноведской завод был построен совсем в другом месте?

Вспомним историю Сноведских заводов, именно заводов, потому что их было два. Первый Сноведской завод был построен в лесной глуши, на месте впадения реки Сноведь в старицу Оки - там, где сейчас расположен поселок Красный Бакен.

О происхождении названия села Сноведь бытует старая легенда: давным-давно здесь жил дед ста лет от роду. За сотни верст приходили и приезжали к нему люди, потому что он был толкователем снов: снами ведал - отсюда и возникло название Сноведь.

В этом старом русском селе 19 ноября 1724 года муромскими посадскими людьми Данилом Железняковым и братьями Никифором, Федором и Кириллом Мездряковыми был пущен чугунолитейный завод. Руду добывали у деревни Казнево и в Рожновском бору, на речке Сноведи. По всей видимости баржа с «казневской» рудой и находится на дне реки.

Судьба первого Сноведского завода оказалась трагичной. Несмотря на то, что он был обнесен валом и рвами, находился под охраной, его постоянно пытались ограбить беглые люди. Руду ковали с заряженными ружьями. Но это не помогло. 6 марта 1726 года Мездряков доносил Берг-коллегии, что завод «воровские люди разорили и совсем ограбили...» Берг-коллегия освободила заводчиков от десятинной подати. В 1732 году завод был полностью сожжен.

Сноведское производство, разоренное в 1726 году, восстановил Иван Родионович Баташев уже после раздела со своим братом Андреем. Завод был построен и вступил в действие 21 декабря 1784 года на реке Сноведь, на 12 верст выше по течению от того места, где был расположен первый завод. Вскоре завод стал одним из крупнейших во всей группе Выксунских заводов.

В экономических примечаниях к генеральному межеванию земель в Ардатовском уезде о Сноведском производстве сказано следующее: «... в домнах выплавляется железная руда, ... людьми делаются различные чугунные вещи, и временно отливаются показным порядком пушки и прочие артиллерийские снаряды, а в молотовой выплавляется из чугуна железо полосовое, связанное и сортовое; чугуна же из этих домен выплавляется до 172980 пудов в год, а иногда больше или меньше, который употребляется частью в литье, коего употребляется в год до 30000 пудов, а остальное идет в железо». На заводе в ту пору работало в разное время от 2000 до 3000 рабочих.

Фонтан. Чугунное литье

Особенно славился Сноведский завод чугуном литьем. Самыми ранними отливками были плиты для укладки полов. Сначала на заводе производились совершенно гладкие плиты, позднее их стали украшать рельефным рисунком. Квадратные плиты для полов размером 0,71 x 0,71 м, изготовленные здесь, сохранились во многих культовых зданиях Выксы и окрестностей. Можно было их видеть и в барских домах.

Начавшись с таких плит, чугунное литье в XVIII столетии, развиваясь, охватило все виды художественных украшений в наружном и внутреннем убранстве зданий и в садово-парковой архитектуре. Одним из видов внутреннего убранства становятся, к примеру, чугунные печные дверцы, которые в XIX веке украшали различными рельефными изображениями. На некоторых печных дверцах был изображен лось, преследуемый собаками, на других - эпизоды из охотничьей жизни.

Барельефы, мемориальные доски, бюсты, перила, решетки, столбы для ворот, фонарные столбы и всевозможная арматура - все это и многие другие изделия делались

Триумфальная арка в честь победы России в Отечественной войне 1812

на Сноведском заводе. Продукция его поставлялась для центральных губерний России. В книге В.В. Соболева «Художественное литье в русской архитектуре» дается очень подробная характеристика Сноведскому заводу и его изделиям. Там сказано о московской Триумфальной арке, все чугунные детали которой отливались на заводах Шепелева и княгини Бирбасовой в Тульской губернии.

Однако в настоящее время утверждать однозначно, что авторство чугунных деталей Триумфальной арки принадлежит сноведским мастерам, весьма трудно. Каких-либо достоверных документов не сохранилось, хотя в архиве музея истории металлургического завода в записях старых краеведов начала XX века зафиксирована даже стоимость отливок: 6 фигур славянских воинов по 3000 рублей за каждую; 6 групп, изображающих Победу в знак победоносного оружия России, по 4000 рублей; 4 фигуры Славы по 1500 рублей и т. д. Трудно поверить, чтобы автор записок мог выдумать эти данные. Реконструкция Сноведского завода началась в 1818 году, когда на заводскую службу генералом Шепелевым был приглашен господин Кларк, талантливый инженер. По собственным чертежам он построил еще четыре корпуса, которые примыкали к заводу. Он же перестроил плотину ниже завода, соорудил мукомольную мельницу.

Начиная с 20-х годов XIX века, на реконструированном специально для этих целей Сноведском заводе освоили производство паровых машин, которые успешно конкурировали со знаменитыми тогда Бердовскими. В 1823 году на Сноведской завод был принят на работу инженер Морган. Вместе с мастерами им был возведен один из первых в стране пароводяной двигатель, приводимый в движение двумя паровыми машинами, изготовленными здесь же, на заводе.

С течением времени паровые двигатели постепенно вытеснили водяные колеса. Уже к 1848 году на шести Вык-

сунских заводах работали 10 паровых машин, а через десять лет их общее число составило 20 машин. Энергия, производимая с помощью пара, составляла здесь 40 % всей энергии, приводившей в действие заводские станки и механизмы. На Сноведском же заводе эта цифра была много выше - более 75-ти %.

Сноведское металлургическое производство развивалось очень быстро. К 60-м годам XIX века на заводе работало около двух тысяч человек. Две огромные домны выплавляли в сутки (за четыре плавки) около 2000 пудов чугуна. Кроме доменного цеха, здесь была огромная по тому времени чеканная кузница и механическое отделение, на двух этажах которого работали более 50-ти станков. Но уже к концу века былая слава Сноведского завода начала затухать, как, впрочем, и других производств из группы Выксунских заводов.

В августе 1865 года публичный нотариус в Санкт-Петербурге Александр Субботин зарегистрировал договор между поверенным братьев Шепелевых Адольфом Викентьевичем Дмоховским и уполномоченным директором Лондонского товарищества русских Выксунских Горных заводов капитаном флота Августом Гобартом.

Выксунские заводы, находящиеся на ста пятидесяти тысячах десятин в Нижегородской, Владимирской и Тамбовской губерниях, с чугуноплавильными и железоделательными заводами и разного рода постройками переходили в пользование Товарищества Выксунских Горных заводов сроком на 37 лет. В договоре говорилось, что «Товарищество распоряжается и управляет именем по своему усмотрению, и владельцы ни под каким предлогом не могут вмешиваться в управление оным». Товарищество обязывалось выплачивать Шепелевым двадцать пять тысяч рублей в год.

Так начало рушиться огромное заводское производство, которое создавалось многие годы мастерством умельцев-самородков. Не избежал своей участи и Сноведский завод, слава о котором перешагнула рубежи России. В 1891 году он был разорен и закрыт.

О ЧЕМ УМОЛЧАЛ ГРАФ ТОЛСТОЙ

В музее истории Выксунского металлургического завода хранится много интересных исторических документов. Среди них - план московской усадьбы Ивана Родионовича Баташева, которую он, почетный гражданин Москвы, построил на бывшей улице Швивой горке, на реке Яузе.

Дом строился с 1796 по 1802 год. Имя автора проекта документально не установлено. Одно время предполагалось, что им был французский архитектор Шарль де Вальи, затем называли архитектора Родиона Казакова, создателя классицизма в России. Руководил же постройкой всего архитектурного ансамбля усадьбы крепостной И.Р. Баташева М.П. Кисельников.

Усадьба располагалась между Николо-Ямской и Таганной улицами на площади около трех гектаров. Она была очень живописна благодаря сложному рельефу местности: спуски, обрывы, прекрасные виды на реки Москву и Яузу, на Кремль. В плане усадьбы главный дом похож на букву «Т», верхняя часть которой - трехэтажный фасад, выходящий на Яузскую улицу. В центре фасада шестиколонный портик. Из центральной парадной залы второго этажа был выход на балконы, откуда открывался вид на улицу, отгороженную от усадьбы решеткой в два человеческих роста. Чугунная решетка поделена на отрезки белокаменными столбами, увенчанными чугунными вазами, а в середине решетки - парадные ворота с чугунными львами. Все чугунные детали отлиты и выкованы в Выксе.

С тыльной стороны главного дома был разбит зимний сад, по обе стороны которого открывались удивительные панорамы Москвы. Особенностью усадьбы было множество мелких скульптурных украшений, созданных М.П. Кисельниковым, особенно

Дом Баташевых в Москве
Фотография начала XX века
Выксунский
краеведческий музей

выделялись два сюжетных горельефа. Дворец И.Р. Баташева был известен в Москве своими пышными балами и зваными обедами, особенно во время приездов в столицу самого заводчика. Лишь 10 лет безмятежно протекала жизнь в стенах московского дворца Баташева. Здесь воспитывалась внучка Ивана Баташева - Дарьюшка, здесь же играли ее свадьбу с генералом Д.Д. Шепелевым.

Каждое лето семья проводила в Выксе. К осени 1812 года, когда французы вошли в Москву, в Баташевской усадьбе оставалось лишь небольшое количество дворовых людей во главе с управляющим, любимцем Ивана Родионовича Максимом Соковым. Сохранилось письмо, в котором он подробно, от первого лица, описывает события тех страшных дней, это он первым в доме встретил короля Неаполитанского, зятя Наполеона, главнокомандующего французской армии Жокэна Мюрата.

С некоторым сокращением приводим текст этого письма: «Милостивый государь Иван Родионович!

Второго сентября, в пятом часу вечера, вступили в Москву французские войска. Король Неаполитанский, ведя авангард на Коломенскую дорогу, остановился у Вашего дома, будучи верхом; уверял всех нас, чтобы мы ни малейших обид не страшились. Назначил своею квартирой Ваш дом, поставил большой караул и, проводя за заставу многочисленную кавалерию, составляющую страшный авангард, в седьмом часу вечера возвратился в дом наш с тридцатью генеральскими и множеством чиновников.

Для всех приготовили мы ужин, нарочито сытый; только белого хлеба и калачей найти было невозможно, ибо калашни и хлебные во всей Москве были разбиты и хозяевами оставлены, почему и был только черный ржаной хлеб. Королю же нашел четверть сайки у дворцовых детей. Генералы сперва гневались и говорили, что свиньи только кушают такой хлеб; однако ж, быв голодны, принялись и за него. Король, войдя в дом, потребовал меня как вашего приказчика. Явясь со свечой в руках провожал его по парадному этажу через все покои; он пожимал плечами, казалось, что все ему нравилось. Возвратясь в желтую гостиную, спросил, где же твой господин и кто он таков. Я объявил, что Вы заводчик и всегда на лето уезжаете в свои

заводы. Ему подали кушать в красную гостиную одному, а генералам и прочим - в столовой и в зале. Свита бесчисленная. Ужин кончился. Всякий генерал требовал пышной постели, но постелей набрать было негде, ибо на холопской постели никто спать не хотел, а потому с угрозами всякий требовал такую, какую ему хотелось. Свечи горели всю ночь и в люстрах, и в лампах...

Как проснулись, то требовал всякий того, что хотел: иной - чаю, иной - кофе, иной - белого вина, шампанского, бургундского, водки, рейнвейна и белого хлеба. Словом, каждый с величайшими угрозами требовал, чтобы его прихоти и требования тотчас были выполнены. Третье число прошло в суматохе. Пожар сильный свирепствовал на Покровке, опустошал немецкую слободу и около Ильи Пророка.

В среду, четвертого сентября, король, пообедав, поехал к армии. Ветер подул с запада, самый жесточайший: загорелись дома за Москвой-рекой от Каменного моста, и пожар сделался ужасен, что никак описать невозможно. Я, видя, что спасенья нет, собрав все оставшиеся бумаги, отнес их под контору в чайнии, что пожар туда не проникнет... Мы решились и пошли все через Язу на Хованскую гору. Тут на переходах солдаты французские начали проходящих грабить - у кого, что было, остановили и меня... Тут мы увидели, что загорелся главный корпус нашего дома, пламя пожирало все Зарядье»

Далее М. Соков в подробностях описал И. Баташеву, что из строений было уничтожено пожаром, а что уцелело. Первый этаж уцелел полностью. Но после пожара начались грабежи, и ежедневно приходили французы, грабили, что еще можно было взять. Приказчик жаловался маршалу Мюрату. Тот приказал, чтобы ему выдали аттестат о запрещении грабить дома. «...На офицеров билет сей действовал, но солдаты продолжали грабить с прежним зверством. Потом все ваши дворы и сады наполнились обозами с больными и ранеными, всех нас почти вытеснили из наших убежищ. Хлеба нигде достать не можно, да и впредь надежды не видать. Капуста, редька и картофель - все истреблено солдатами» - сообщал хозяину своему М. Соков.

Он также хорошо передавал картину тех дней: «Москва представляет жалостный вид: большие улицы наполнены солдатами и на каждых десяти шагах лежит издохшая лошадь, да и людей без погребения валяется множество. Жители, страшась своих победителей, скрываются или в погребках или в развалинах.

Сейчас явились ездоки Тихон-кучер с товарищами и всех нас обрадовали несказанно, что Вы, милостивый государь с Вашими родными здоровы. И. М. Горностаев письмом, писанным по приказу Вашему, извещал, что Вы, как отец о чадах своих, печетесь о нас и спасении жизни нашей, заботитесь больше, чем о погибших ваших сокровищах. Да сохрани создатель Вас, отца нашего. С чувством истинной признательности, Ваш всенижайший слуга Максим Соков. Сентябрь дня 28-го 1812 года» - таков конец этого послания.

После ухода французов из Москвы дом-дворец на Швивой горке был отделан заново с соответствующей роскошью. Скульптурные работы были выполнены скульптором Витали. Парадная лестница восстановлена. На восстановление дома было затрачено 300 тыс. рублей. После смерти Ивана Родионовича дворец перешел его наследникам. Сначала Д. Д. Шепелеву, а после его смерти, в 1841 году - его детям Ивану и Николаю Шепелевым.

Наследники Баташева в Москве жили широко и роскошно. Славилась их балы, славились и «маленькие обеды», как звали их хозяева, на которых садились за стол до пятидесяти человек - «все неожиданные гости», как уверяли хлебосольные хозяева. На время коронаций Николая I дворец был нанят за 65 тыс. рублей для герцога Devonshire английского посла.

В 1870 годах при, перестройке зданий дворца под больницу главный усадебный дом с шестиколонным портиком на парадном фасаде и балконом-лоджией - на садовом - почти полностью утратил первоначальное оформление интерьеров. Но фасады его в основном сохранились. И по сей день памятник архитектуры второй половины XVIII века - дом-дворец заводчика Баташева является украшением всего архитектурного ансамбля Москвы.

«СУСАННА»

В коллекции любого музея, независимо от его статуса и объёма, непременно есть экспонаты, которые являются настоящей жемчужиной, потому что кроме исторической ценности, окутаны множеством легенд и преданий, предположений и домыслов ввиду отсутствия документальных источников. Чем таинственнее история этих предметов, тем большим вниманием они пользуются у посетителей. Даже из других городов приезжают люди в наш музей, чтобы увидеть один из таких уникальных экспонатов.

Речь пойдёт о картине, на которой изображена юная девушка необычной красоты в экзотической для наших мест одежде. До сего времени является спорным вопрос этого портрета. Существовала ли женщина в действительности? Или это вымышленный образ, созданный писателем графом Салиасом в его историческом романе о Выксе «Владимирские Мономахи»? Кстати заметить, в экспозиции портрет «Сусанны» представлен в литературном разделе как художественный образ - любовницы главного героя и владельца выксунских заводов Басман-Басанова Сусанны Юрьевны Касаткиной, якобы внучатой племянницы хозяина Выксы. Собственно на их отношениях и закручен весь любовно-криминальный сюжет романа.

Но, работая над романом, граф Салиас, безусловно, пользовался теми преданиями и легендами, бытовавшими в то время о Сусанне в Выксе. А их было немало. Вот одна из них (записана со слов И.Е. Капустина и И.В. Белоусова в с. Сноведь в конце 50-х годов XX века): «У Баташева И.Р. была родственница - красавица Сусанна. Взял он её из Петербурга. Жила она в комнатах наверху, и вход к ней был через подземелье. А оттуда уже был потайной вход в дом, в комнаты Баташева. Сначала она не знала проход. Сидит у себя - вдруг откуда-то является сам Баташев! А у Баташева того был телохранитель-чеченец. Барин без него обходиться не мог. Красавица Сусанна полюбила чеченца и стала ему на барина жаловаться. Чеченец барина и придушил. Говорят, этого чеченца на цепь посадили по приказу Сусанны. Чеченец будто бы отгрыз себе кисть и сбегал... Через неё, Сусанну эту, много народу у Баташева по-

«Сусанна»
Художник Н. Я. Кораблев

гибло». Доказательством существования этой легендарной женщины является и мраморная (во весь рост) фигура женщины работы неизвестного итальянского скульптура с высеченной внизу надписью «Сусанна». Находится эта скульптура в Московском Дворце Баташевых и Шепелевых. В связи с этим фактом возникает предположение, что такая женщина в Выксе жила, но не в Баташевский период истории, а в более поздний - Шепелевский. И прообразом Басман-Басанова в романе

«Владимирские Мономахи» является Иван Дмитриевич Шепелев-сын Дмитрия Дмитриевича Шепелева, зятя Ивана Родионовича Баташева, женатого на внучке его - наследнице заводов Дарье Ивановне. Именно на этот временной период управления заводами Ивана Шепелева и приходится предания о Сусанне. Вернее, о женщине, очень похожей на ту, которая изображена на известном портрете. По всей видимости, это актриса Выксунского театра, которая пользовалась особым покровительством Ивана Шепелева - «Нерона Ардатовского уезда», как его называли современники за особую приверженность к театральному искусству, ибо все средства он вкладывал в развитие театра. Н.Я. Афанасьев, работавший у Шепелева в театре капельмейстером, писал в своих воспоминаниях, что «...в наших провинциях ещё не было оперных театров, кроме Одессы и Риги, и театр Шепелева по праву занимал единственное место во всей внутренней России» (журнал «Исторический вестник», 1890 г.).

В конце 40-х годов XIX века Иван Шепелев пристроил к Баташевскому дому обширный каменный флигель оригинальной архитектуры. Окна были из разноцветных стекол, поэтому в комнатах всегда стоял полумрак: вся мебель была в восточном стиле. Полное отсутствие стульев, только турецкие диваны, покрытые коврами, украшали го-

стевые помещения. По воспоминаниям зятя Дмитрия Шепелева, графа Ивана Павловича Кутайсова, владелец Выксы в период своего правления на Выксе любил изображать себя султаном. Иногда он даже носил турецкий халат, чалму и принимал гостей не иначе, как сидя на диване с поджатыми ногами, куря кальян. Был он в окружении крепостных актрис в восточных одеждах. В эти годы в Выксунском театре работал очень талантливый крепостной художник Николай Кораблёв. Скорее всего, именно его кисти и принадлежит портрет «Сусанны», актрисы Выксунского театра в costume героини спектакля, по описанию современников, очень похожей на актрису Шиморыгину.

Надо заметить, что судьба самого полотна сложилась довольно трагично. Много претерпело оно испытаний со времени написания, прежде чем предстало перед нами в нынешнем виде. Можно сказать, портрет чудом сохранился и дошёл до наших дней. Первоначально он хранился в Баташевском доме, где после революции, в 1918 году, был открыт музей на основе имеющихся там коллекций. Но в 1920 году случился пожар в главном корпусе управления заводами. После пожара контора переехала в бывший господский дом. Экспозиции были свёрнуты и складированы в одной из комнат дома. Портрет «Сусанны» был отправлен из Выксы в подарок гособъединению машиностроительных заводов (ГОМЗу), в которое тогда входил Выксунский металлургический завод. Но, к счастью, и благодаря действиям губернского музея «Сусанна» в 1928 году была возвращена в Выксу. Когда 1 мая 1929 года открыли Дворец труда (нынешний ДК металлургов), «Сусанна» в числе других экспонатов из коллекции Баташевского дома стала украшением его интерьеров. После Великой Отечественной войны, когда из Дворца культуры был расформирован военный госпиталь, «Сусанна» некоторое время украшала кабинет директора ДК металлургов. А когда в 1964 году случилась авария на линии теплоснабжения и горячая вода повредила холст, картину отдали на реставрационные работы. В настоящее время выксунская «Мона Лиза» находится на хранении в историко-художественном музее металлургического завода.

Елена Ивановна
ЛИПАТОВА

ПОКА КРЕПКИ КОРНИ...

АЛЕКСАНДР, СЫН ИВАНОВ

Жила в прошлом веке в Меленковском уезде семья крестьянина Ивана Никольского. Уклад жизни был неторопливый, размеренный. В будни работали, а по праздникам в церковь ходили. И очень уж нравилось Сашке Никольскому и пение церковное, и сама служба. Зачастил он туда и в будни, и в праздники. Звонил на колокольне. Потом стал прислуживать батюшке при исполнении обрядов, начал успехи делать, повысили в псаломщики. Женился, стал служить дьяконом в Никольской церкви в Меленках Владимирской губернии. Когда одна из его дочерей вышла замуж, он сдал место дьякона зятю, а сам уехал в деревню Запрудье Меленковского уезда, где его тоже назначили священником. Дожил до 90 лет. Жил честно и праведно. Имел двоих сыновей, тоже священников. Умер в апреле 1935 года в Нижней Верее. Похоронен на нижеверейском кладбище.

МИХАИЛ

Самая большая часть повествования - о нем.
Окончил духовную семинарию во Владимире, что дало ему право быть юристом, священником, учителем.

Он выбрал путь учителя. Шесть лет был учителем начальных классов в деревне Славцево Меленковского уезда. Педагогом он был от бога. Дети его любили, родители детей почитали за мудрость не по годам. Однако отец и старший брат решили, что он должен быть священником. Написали архиерею прошение, чтоб назначил он Михаила священником, ибо были убеждены, что настоящим человеком может стать лишь лицо духовное. Это было как гром среди ясного неба. Однако послушаться отца и старшего брата не мог: почитание родителей и старших было святым и, смилив гордыню, он уехал в Ивановскую губернию священником села Помогалово Шуйского уезда. А перед тем, как стать священником, взял в жены Александру, дочь священника Николая Степановича Свавицкого, дед которой, был грек по происхождению. Вот откуда пошли в роду Никольских эта смуглость кожи и эти жгучие карие глаза. В 1906 году перевели отца Михаила священником в Нижнюю Верею.

Отец Михаил был духовным наставником своих прихожан, человеком мудрым в делах житейских, отличным семьянином. Детей своих воспитывал в строгости, любви и уважении к старшим. Рано овдовев, он был для детей и отцом, и матерью. К нему шли за советом и за помощью, у него искали поддержки в трудные минуты жизни.

Пришел как-то в одну семью с молебном. А в семье-то шесть человек детей, и все лежат - корь. Есть нечего. Помог хлебом, деньгами, вылечил детишек. Один из них потом встретил в Выксе Антонину, неожиданно, остановился перед нею, спросил:

- Вы Тоня? Отца Михаила дочь? Низкий вам поклон. Он нас от смерти спас.

Эта семья была не единственной. Помогал всем страждущим и нуждающимся. Помог вдове, оставшейся пос-

ле ареста мужа с девятью детьми на руках без средств к существованию. (Было это в голодные тридцатые годы). Отчаянию женщины не было предела. Пришла к отцу Михаилу! «Батюшка! Я хочу лишиться себя жизни! Ребятишки просят есть, а мне им дать нечего. Милостыню собирать - стыдно. Что делать-то, батюшка?».

И отец Михаил утешил вдову, помог и советом, и деньгами. Дети выжили. Семья была сохранена.

В доме была богатая личная библиотека, состоящая из произведений русской и зарубежной классики. Любимыми авторами были Толстой, Чехов, Тургенев, и Достоевский. Взгляды отца Михаила были для того времени передовыми. Это был человек культурный, здравомыслящий и сдержанный. Когда свершились сначала февральская буржуазная, затем октябрьская революции, он только и сказал: «Толку от этого не будет...». Сказал, как в воду глядел.

Священники, вместе с купцами и дворянами, тоже ведь подлежали «ликвидации как класс». Вот и стали их ликвидировать. За отцом Михаилом приходили какие-то люди в штатском, уводили, подолгу держали в сельсовете, потом - отпускали. Однажды, было это зимой, в тридцатых годах, за ним тоже пришли. Дети, тогда уже взрослые люди, забеспокоились. Антонина и Лидия, педагоги школы, в страхе и надежде прижимались к окнам. И видят: по узкой тропинке, - а зима была снежная, сугробы выше забора, - ведут отца. Один гражданин впереди, а другой - сзади отца, и пистолет его наставлен ему в голову. Повели в сельсовет. Несколько часов держали. У дочерей и слезы иссякли, и душа почернела. Да только вернулся тогда отец. Пришел бледный, спокойный, молчаливый. Ничего детям не сказал. Хоть и издевалась новая власть над священником, но за помощью к нему не гнушалась обращаться, и отец Михаил помогал вести бухгалтерские расчеты в потребительском обществе и вел пересчеты прина новый стиль жизни, новое летоисчисление.

Когда в 1937 году по стране прокатилась волна арестов священников, дочь и сын приехали к отцу в Верею и молили его, стоя на коленях, отказаться от сана священника. Они хотели спасти ему жизнь. Отцу это стоило страшных душевных мучений. Однако он послушался. Сдал все цер-

ковное имущество в сельсовет, отказался от сана. А через две недели его арестовали. Когда его арестовывали, было это в октябре 1937 года, и увозили, вся деревня провожала своего отца Михаила, люди плакали, не скрывая слез...

Какова его судьба дальше? В 1938 году вернулась арестованная вместе с о. Михаилом односельчанка. Рассказывала, что когда на Ильин день их погнали из Горьковской тюрьмы по этапу, то, проходя мимо стоящего во дворе маленького домика и заглянув в окно, она увидела там отца Михаила. Он сидел за столом, что-то писал. Голова его тряслась. Было это 2 августа 1938 года. Детям же сообщили, что он был расстрелян 26 декабря 1937 года. В 1954 году, когда началась реабилитация, на запрос Антонины и Федора пришел ответ, что «ваш отец Михаил Александрович Никольский умер в 1942 году в тюремной больнице от сердечной недостаточности».

Характерная деталь: расстрелы и аресты священнослужителей «органы» приурочивали к православным праздникам. Двоюродный брат Антонины Константин Дмитриевич Орлов сообщил, что его отец, священник д. Б. Окулово, был расстрелян в ночь на 19 января, в святую крещенскую ночь. Черные дела творились в святые праздники.

АНТОНИНА

Как сложилась судьба детей священника Михаила, арестованного в 1937 году как врага народа?

Старшей Антонине отец успел дать образование. После окончания земской школы в Н. Верее, он отправил ее в школу, в село Тамболес, где преподавал зять Никольских. Четыре класса женской гимназии Антонина закончила в Меленках. После революции, когда все школы, гимназии и училища смешали и сделали школу второй ступени, Антонина заканчивала 5, 6, 7 классы в монастырской школе г. Выксы. Два года проучительствовала Антонина в школе Н. Вереи под руководством отца. Он помогал ей в методике, в составлении планов урока, был ее наставником в делах учительских. Всю свою неутоленную страсть к школе, все свои знания вложил он за эти два года в дочь. Он торопился передать ей свой опыт и опять оказалось, что не зря. Пришел указ о том, что дети не имеют права быть учителями там, где отец священник. Работала учителем в Гибловке, Грязной, в Борковке, потом в 1935 году была переведена в школу № 3 г. Выксы, а с открытием новой школы № 8 взяли ее туда. Здесь она проработала до пенсии. Здесь раскрылся ее талант педагога.

Школа № 8, г. Выкса

Антонина Михайловна была учителем начальных классов. Учителем строгим, знающим и любящим свое дело. На ее уроках стояла тишина потрясающая. К ней в класс переводили на перевоспитание самых хулиганистых, самых отпетых детей, и потому классы ее были самые большие, - до 50 детей! Когда она шла в школу, то по дороге «обрастала» детьми: они висели на ней гроздьями, они несли ей портфель, они заглядывали ей в глаза, галдели, кричали, рассказывали о своих ребячьих делах. Они были

влюблены в нее и преданы ей так, как могут быть преданы только дети.

В мае 1949 она была награждена орденом Трудового Красного Знамени, в апреле 1954 —орденом Ленина, а в 1955 году получила звание «Отличник народного просвещения». Она учила детей, а потом детей тех детей, и даже внуков тех первых детей. О ее способностях влиять на детей, давать основательные знания ходили легенды. Именно потому те родители, что когда-то учились у нее, старались своих детей отдать именно в ее класс.

ФЕДОР, ЛИДИЯ И ДРУГИЕ

Тяга к знаниям в семье Никольских - родовая, точно так же, как и стремление просвещать. Несмотря на свою глухоту (в детстве получил осложнение после болезни), Федор Михайлович Никольский достиг в жизни высот и немало положил сил своих на алтарь Отечества. На металлургическом заводе он прошел путь от копировальщика до технолога-конструктора. Поступил в 1934 году в металлургический техникум, но укоров в том, что он «сын попа» стерпеть не мог, бросил учебу, занялся самообразованием. Премного преуспел в науках, и в военные годы был начальником спец. цеха (кроватьный цех) по выпуску военной продукции (в войну уже не разбирали, чей ты сын), 51 год отдан металлургическому заводу, и за все время - ни одного порицания, только благодарности и награды за доблестный труд.

Судьба Лидии Михайловны - скромнее. Хотя, как сказать. Она ведь дала машиностроительному заводу такого первоклассного специалиста, каким является там сегодня ее сын Валерий Аркадьевич Николаев, зам. главного инженера по спец. производству. Лидия Михайловна тоже закончила земскую школу, была учителем в Чупалейской школе, ликвидатором (слово-то какое!) неграмотности в селах. Могла б пойти по преподавательской стезе и дальше, но решила посвятить себя детям. Благодаря ее материнской заботе, любви и тому педагогическому таланту, что у Никольских в крови, и явился «миру» сын ее, Валерий Арка-

дьевич, обладающий кроме высоких профессиональных качеств, даром убеждения (эта черта не от деда ли?).

Сын Антонины Михайловны - Евгений Николаевич Сеницын - по специальности инженер-строитель. Закончил Горьковский строительный институт, сейчас начальник одного из отделов института. Человек честный, спокойный, рассудительный. Дети Евгения Николаевича тоже получили образование. Старшая дочь, как и отец, инженер-строитель, сын учится в политехническом. Есть и правнук.

Род Никольских теперь, вероятно, пойдет не по гуманитарной, а по технической ветви: поколение младших Николаевых и Сеницыных выбирает инженерные специальности. Правда, неизвестно пока, чьи гены «взыграют» в правнуках Антонины Михайловны и Лидии Михайловны... От крестьянина, священнослужителя, учителя, до инженера - таков путь это рода. Они испытали со своей страной взлеты духа и его падения, проверялись на прочность их характеры в революционных схватках, они сумели найти свое место в стране, которая пыталась прорваться к жизни новой, они не сломались, не пали духом. В их роду не было предателей и лентяев. Всего в жизни они достигали только своим трудом, умом и честностью. Так будет продолжаться и дальше, ибо пока крепки и здоровы корни, крепкими будут и ствол, и крона дерева.

Валентина Васильевна
БАЛДИНА

По страницам мемуаров

НИКОЛАЙ ШЕПЕЛЕВ

«Тебе преданный А. Сухово-Кобылин»¹. Так написал выдающийся русский драматург посвящение к своей последней и лучшей, по его мнению, пьесе - «Смерть Тарелкина» (1869). Слова эти обращены к Николаю Дмитриевичу Шепелеву, двоюродному дяде и другу жизни. Дружба их началась с детства и была долгой и верной. Александра Сухово-Кобылина, требовательного к людям и разборчивого в друзьях, привлекали в Николае искренность и сердечность, артистическая душа, тонкое художественное чувство. Шепелев-младший нашел в друге родного по духу человека, так же беззаветно любящего театр.

Об Александре Васильевиче Сухово-Кобылине «Приокская глубинка» уже подробно рассказывала (см. №№ 1, 2). О Николае Дмитриевиче Шепелеве Мы знаем совсем мало. Каким человеком он был? Что о нем известно?

Скажу сразу: известно немного, гораздо меньше, чем о его старшем брате Иване Дмитриевиче, «Нероне Ардатовского уезда», о талантах и чудачествах которого знает каждый выксунец. Но все-таки кое-что интересное удалось мне найти.

Начну свой рассказ об этом человеке с краткой справки.

¹ Сухово-Кобылин А. В. Картины прошедшего. - Л., 1989. - С.139.

Николай Дмитриевич Шепелев - и это, видимо, их фамильная черта - никогда не скупился на воспитание детей, приглашали к ним хороших учителей. Николай получил приличное своему положению домашнее образование. Как и старший брат, воспитывался в военном училище, потом служил в гвардии. После смерти отца в чине поручика вышел в отставку, жил в Выксе, семьи не имел. В пору единоличного правления заводами Ивана (1836-1846) находился в его тени. Когда в семье Шепелевых начался конфликт, когда Иван Дмитриевич был признан родными виновником их разорения и сослан в Москву, Николай Дмитриевич с зятями взялся за управление заводами и помещьем, ни способностей, ни большого желания к тому не имея. После окончательного разорения Шепелевых последние годы жизни он провел в Москве, в знаменитом доме на Яузе, в большой бедности. Похоронен был в Выксе, в семейном склепе.

Вот общеизвестные сведения о Н. Д. Шепелеве. Как видите, довольно скудные.

Более интересные и живые нашла я в мемуарах его современников. «Мемуары (фр. *mémoires* - воспоминания) - литературное повествование о событиях прошлого, современником или участником которых был автор». («Словарь иностранных слов»). Воспоминания имеют удивительное свойство: они не просто говорят о прошлом, они его приближают. Иногда одного слова, одного небольшого эпизода, рассказанного очевидцем или участником далеких событий, достаточно, чтобы зримо представить то ушедшее время, как живых увидеть людей, о которых идет речь. «Историческое повествование... передает и может передать только внешность всех сторон жизни; записки современников вливают в его душу и воскрешают жизнь давно былого. В этом - великое достоинство мемуаров...»² Мемуары относят к ценным историческим документам.

Очень внимательно перечитывала я воспоминания А. П. Глушковского, Н. Я. Афанасьева, А. И. Дельвига, Е. М. Феоктистова, где есть упоминание о Н. Д. Шепелеве. Ана-

² Предисловие к главе «Воспоминаний» Е. М. Феоктистова. «Атенеи». Историко-мемуарный временник. - Л., 1926. - С. 83.

Николай Дмитриевич
Шепелев

лизирова мемуары, старалась избежать скрытую в них опасность ошибки. Ведь их авторы - живые люди со своими характерами и взглядами, своими пристрастиями, своей, особой оценкой событий и современников. Доверять безоговорочно им нельзя. Следовало познакомиться с ними поближе (кстати, в книгах воспоминаний обычно есть их жизнеописание), выяснить, каков автор, насколько хорошо знал Н. Д. Шепелева, как к нему относился, верно ли оценивал. Поверьте, задача эта легкой не была. В ходе такой работы у меня накопились знания об авторах мемуаров (мемуаристах), сложилось мнение о младшем Шепелеве. Этим я и хочу поделиться с вами, наши читатели.

Итак, страницы мемуаров (воспоминаний)...

В 1839 году в Выксе у Шепелевых два месяца жил известный танцовщик, один из основателей московского балета Адам Павлович Глушковский (1793-1870). Он был приглашен «составить из шепелевской балетной труппы два дивертисмента и дать немного танцевальных уроков»³.

В своих «Воспоминаниях балетмейстера», написанных в конце жизни, Адам Павлович вспоминает с удовольствием Выксу 30-х годов, «маленький городок», где его радушно приняли и щедро отблагодарили за труд; прекрасный крепостной театр поры его расцвета (Шепелевы не раз приглашали тогда столичных знаменитостей для обучения своих крепостных актеров). Вспоминает А. П. Глушковский гостеприимный господский дом и его хозяев. Память сохранила и некоторые удивившие когда-то подробности: за обеденным большим столом - живущие в Большом доме престарелые учителя уже взрослых Ивана и Николая (последний по ошибке назван старшим из братьев Шепеле-

³ Глушковский А. П. Воспоминания балетмейстера. - М.-Л.: Искусство, 1940. - С. 133-134.

вых); Николай Дмитриевич дает ему, возвращающемуся в Москву, вооруженных провожатых через Муромский лес, где хозяйничал беглый солдат со своей шайкой.

Вот и все. О Николае Шепелеве только упомянуто. Страницы о младшем из братьев Шепелевых более позднего времени, 40-х-50-х годов, я нашла в трех книгах воспоминаний.

Несомненно, внимания заслуживает свидетельство о Николае Дмитриевиче Шепелеве известного русского скрипача и композитора XIX века Николая Яковлевича Афанасьева (1820-1898). В 1841 году он через князя Голицына получил приглашение к его родственнику Ивану Дмитриевичу Шепелеву капельмейстером в театр. Условия предложены были прекрасные: жалование хорошее, квартира, самостоятельное положение. Николай Яковлевич с радостью согласился.

Приехав в Выксу, он играл Ивану Дмитриевичу на скрипке, «понравился, его расположение сразу было обеспечено»⁴.

И. Шепелев поручил музыканту заведовать оркестром и хором. Несколько лет (1841-1846) Н. Я. Афанасьев был капельмейстером в Выксунском домашнем театре: «Я сделался тотчас домашним человеком. Кроме Ивана Дмитриевича, на Выксе жил его младший брат Николай Дмитриевич, с которым я тоже близко сошелся»⁵. Но, приглашенный в Выксу старшим из братьев, Николай Яковлевич, разумеется, больше внимания уделял именно ему: «Так как Шепелев меня полюбил, то значительную часть времени приходилось отдавать ему»⁶. И на его сторону встал музыкант в развернувшемся тогда семейном скандале. У Ивана Дмитриевича он, свой человек, пользовался полным доверием. И не только в Выксе. Николай Яковлевич признается, что И. Шепелев, переселенный после конфликта по воле родных в Москву, ему «вздумал прислать... полную доверенность на управление не только театром и театральной школой, но и своею частью имения»⁷. Расстав-

⁴ Афанасьев Н.Я. Воспоминания//Исторический вестник. - 1890. - №7. - С.38.

⁵ Там же. - С.38-39.

⁶ Там же. - С.39.

⁷ Там же. - С.46.

шись с Иваном Дмитриевичем из-за материальных трудностей, Н. Я. Афанасьев отправился в концертное путешествие по России. Оно прошло хорошо. А впереди еще была долгая жизнь, успехи, слова.

В старости Николай Яковлевич пишет свои «Воспоминания» (1890г), здесь немало страниц о Выксе 40-х годов, а также рассказы о прошлом, о Баташевых, Шепелевых, восхищенное описание шепелевского крепостного театра и театральной школы и т.д. Много внимания автор уделил Ивану Дмитриевичу, его талантам и причудам, его пагубному увлечению «общением с духами» (спиритизмом).

О младшем Шепелеве Н. Я. Афанасьев рассказал значительно меньше, но и это немного интересно, дает штрихи к его портрету. Разумеется, Николая Дмитриевича он знал неплохо, потому что несколько лет жил с ним под одной крышей. «Мы с ним сошлись дружески, и я сделался его всегдашним партнером на бильярде»⁸ - рассказывает Николай Яковлевич и вспоминает связанный с этой игрой случай. Свой бильярдный, в три тысячи, проигрыш музыканту, по его просьбе, Николай Дмитриевич оплатил прекрасной скрипкой знаменитого мастера Гварнериуса. Она была в оркестре и Н.Я.Афанасьеву «чрезвычайно нравилась»: «Таким образом мне досталась скрипка, впоследствии оказавшая мне немало услуг»⁹. (Просто царский подарок! - В. Б.)

Рассказывает Николай Яковлевич и о другом сильном увлечении Николая Шепелева - охоте. Охотником он был страстным, как и его старший брат. Имел прекрасных охотничьих собак, знаменитую Дианку, с отличным чутьем. «Охота в шепелевских лесах была превосходная и разнообразная, как за красным зверем, так и за дичью... В ходу у нас была медвежья охота»¹⁰ - вспоминает с удовольствием Н.Я.Афанасьев. Бильярд, стрельба по целям, охота - все это занятия, обычные для людей такого круга, скорее - развлечения.

Есть в воспоминаниях и небольшая, от автора, характеристика Николая Дмитриевича: он «был слабохарактер-

⁸ Исторический вестник. - 1890. - №9. - С.260.

⁹ Исторический вестник. - 1890. - №7. - С.46.

¹⁰ Там же - С.44.

рен и весьма влюбчив... Так как на Выксе праздники, балы и маскарады сменялись постоянно один другим, то ему представлялось немало случаев ухаживать за дамами и барышнями»¹¹.

Знает Н.Я.Афанасьев о странностях в характере и поведении Николая Шепелева и объясняет их «Сильно расстроенными нервами». «Может быть, - говорит он, - это зависело от нервности, свойственной всей семье Шепелевых, а может быть, и потому, что он родился раньше времени».¹² Мать его, Дарья Ивановна, единственная и любимая внучка Ивана Родионовича Баташева, умерла на 25-ом году жизни, вскоре после рождения последнего, четвертого ребенка. Рос Николай без матери, без материнской любви и ласки, и это может многое объяснить в его жизни.

Воспоминания Н. Я. Афанасьева рисуют Николая Шепелева в обычной домашней жизни, коротко говорят о его занятиях, увлечениях, характере (очень коротко!) Весьма интересны в «Воспоминаниях» суждения Николая Яковлевича, человека искусства, об особых особенностях Шепелевых.

Редкой одаренностью поразила его сестра Ивана и Николая Анна (по мужу княгиня Голицына): «Она превосходно рисовала, и музыкальные способности ее были громадные»¹³. Иван «был любитель искусства вообще. Он ценил живопись, скульптуру и сам рисовал весьма недурно. Сам он опять-таки недурно пел: у него был хороший баритон». К сожалению, о художественных наклонностях Николая мемуарист не сказал ничего, а он, думаю, должен был знать о его артистическом даровании. И все-таки, восхищаясь Анной, он произнес очень значительно: «...талантливая, как вся семья Шепелевых».

Воспоминания Н. Я. Афанасьева о Выксе неполные, обрывочные, есть в них ошибка (в оценке роли Выксунского опекуна полковника Василия Александровича Сухова-Кобылина). Николаю Дмитриевичу Шепелеву отведено

¹¹ Исторический вестник. - 1890. -№7. -С.46.

¹² Там же - С.46.

¹³ Там же. - С.38-39, 40.

на этих страницах немного места. Но доброжелательный тон воспоминаний, желание автора понять и объяснить характер Н. Д. Шепелева, не подчеркивая его слабостей, невольно вызывают у читателя доверие к пишущему.

О Николае Шепелеве того времени, когда он после разрыва с братом, стал выксунским заводовладельцем и хозяином имения, есть эпизод в обстоятельном, серьезном двухтомнике воспоминаний «Полвека русской жизни» (т.1, 1872г.). Автор его - Андрей Иванович Дельвиг (1813-1887), двоюродный брат любимого друга А. С. Пушкина Антона Дельвига. «Русский инженер, генерал-лейтенант инженерного корпуса. Один из организаторов и первый председатель Русского технического общества. Руководил строительством водопровода в Москве и Н. Новгороде, железных и шоссейных дорог и др.», - так сказано о нем в «Энциклопедическом словаре»¹⁴. Даровитый, трудолюбивый и энергичный, с незаурядными организаторскими способностями, Андрей Дельвиг в 40-е годы был главным правительственным инспектором частных железных дорог России. В 1845 году приезжал по делам в Выксу. «В декабре, - пишет Андрей Иванович, - я ездил с Глинским на Выксунские заводы Шепелевых для предварительных переговоров о поставке для нижегородского водопровода паровых машин, чугунных труб и других металлических вещей»¹⁵. Историю этих заводов он, видимо, знал неплохо. С уважением вспоминает Андрей Иванович купца Баташева, которым заводы «были устроены и прочно и разумно», давали «превосходные чугунные вещи». Тепло отзываясь о выксунском механике Копьеве, «способном» и «весьма полезном» для заводов человеке. Но тон рассказа Дельвига резко меняется, когда он начинает говорить о новом заводовладельце: «Мы приехали с Глинским на заводы во время управления Н. Д. Шепелева. Мы нашли в его доме дальнего родственника, главноуправляющего всеми имениями, Брюхова, с женою, тещею и другими его родственниками. Он (Брюхов - В. Б.), был молодой человек красивой наружности, а жена

¹⁴ Советский энциклопедический словарь. - Советская энциклопедия, 1983. - С.371.

¹⁵ Воспоминания. Гл. 5 (1842-1848) - С.442.

его была истинная красавица. Неприятно было смотреть на ее любезничание с тщедушным, болезненным и тупоумным заводовладельцем»¹⁶.

В этом маленьком отрывке чувствуется какая-то недоговоренность и совсем уж неожиданной кажется характеристика Шепелева - «тугоумный».

Андрей Иванович хорошо осведомлен о печальном положении дел на выксунских заводах, о конфликте в семье Шепелевых, отношениях между братьями до и после раздела. Есть в воспоминаниях рассказ о том, как имение Шепелевых от Ивана Дмитриевича, названного автором «слабоумным» («вел заводские дела очень дурно»), перешла к его младшему брату - «совершенному идиоту». Здесь характеристика Николая Шепелева просто ошеломляющая: «идиот».

Как понять такие резко отрицательные высказывания А. И. Дельвига о Николае Шепелеве? - Попробуем разобраться.

Андрей Иванович в этот раз был на Выксе недолго, младшего Шепелева видел, можно сказать, мельком - знакомство неблизкое. Известно, что первое мнение о человеке (а здесь оно неблагоприятное) может быть поверхностным и даже ошибочным. Увы, не всякому из нас дано произвести сразу хорошее впечатление. Николай Шепелев худенький, болезненный, невзрачный, и это особенно бросилось в глаза, потому что рядом были красивые, здоровые люди - жена и муж Брюховы. К тому же Николай Дмитриевич робок, чужих людей стесняется. Любезничая с женой своего родственника, он, видимо, не вникал в деловой разговор Дельвига и Глинского с управляющим или проявил неосведомленность в заводских делах. И вот мнение готово, мнение очень резкое: «тугоумный» и даже - «совершенный идиот». Оно, думаю, в духе делового, энергичного, решительного человека, каким был Дельвиг.

Однако основания для такого негодования есть. Читая в воспоминаниях: «Короткое время, которое я провел на Выксе, давались в большом, хорошо устроенном театре оперы, в которых пели крепостные певцы и певицы, балы, маскарады, не говоря уже о ежедневных больших

¹¹ Воспоминания. Гл. 5 (1842-1848) - С.443.

обедах»¹⁷. Больше Андрей Иванович не сказал ни слова, но и без слов понятно, что он хотел сказать. Его возмущает неразумная трата средств, расточительность, а еще больше - беспечность, бездеятельность, беспомощность хозяев имения, их равнодушие к судьбе заводов, обремененных громадными государственным и частными долгами, стоящих на грани полного разорения.

Шепелевых считает А. И. Дельвиг причастными к бедственному положению выксунских заводов. Его доказательство: «Бывший владелец завода Дмитрий Дмитриевич Шепелев сделал большие долги, вследствие роскошной жизни, а впоследствии... был устранен от управления ... «Старший его сын, слабоумный Иван»...» вел заводские дела очень дурно, а между тем, издерживая большие деньги на свою жизнь, наделал несметные долги и разорил заводы. Его младший брат Николай, совершенный идиот, по наущению... родственников,... сумел достигнуть устранения старшего брата от управления, который после этого жил в Москве, едва получая достаточно для своего прокормления»¹⁸. Через несколько месяцев Николая, ничего не сделавшего для заводов, сменило опекуновское правление.

Вдумчиво прочитав этот суровый рассказ Андрея Ивановича, поймешь смысл его очень энергичных выражений: «слабоумный Иван», «тугоумный», «совершенный идиот» Николай. В них - нелицеприятная оценка братьев Шепелевых как несостоятельных, плохих, никчемных заводчиков, оценка гневная. А. И. Дельвига, отличного инженера и умного организатора производства, глубоко волнует судьба выксунских «несчастливых заводов», переходящих из рук в руки и разоряемых всеми.

Страницы, посвященные Николаю Шепелеву, находимы в интереснейших мемуарах историка и писателя Е. М. Феоктистова (1828-1898) «За кулисами политики и литературы. (1848-1896)».

По его словам, в 50-е годы он «Выксу часто посещал в летнее время»¹⁹ с детьми близкой родственницы Шепеле-

¹⁷ Воспоминания. Гл. 5 (1842-1848) - С.443.

¹⁸ Там же. - С.443.

¹⁹ Феоктистов Е. М. Глава из воспоминаний. - Л., 1926 - С.92.

вых Елизаветы Васильевны Салиас (урожденной Сухово-Кобылиной). Нуждающийся студент Московского университета, он с 1848-го года в доме Елизаветы Васильевны исполнял должность гувернера. Жизнь его в Москве легкой не была. А здесь, в имении Шепелевых, очень молодой, Евгений Михайлович попадал в обстановку беззаботного летнего отдыха, среди прекрасной природы. В ней одно особенно приводило его всегда в восторг, « это огромные пруды, настоящие озера, окаймленные лесом»²⁰. В гостеприимном господском доме собиралось в те годы большое общество, родственники и гости, было много интересных, интеллигентных людей. Очень радовал и приятный молодой круг, который жил весело и дружно, с упоением отдаваясь развлечениям и удовольствиям. Особую поэзию в жизнь молодежи вносили две замечательные юные красавицы, родственницы хозяина: графиня Ида Кутайсова и княгиня Ольга Голицына. О них Евгений Михайлович говорит с большим восхищением. Некрасивый, мешковатый, несветский, он мучительно завидовал тем, кто легко и свободно держался в обществе, пользовался симпатией женщин, в частности блестящему аристократу-красавцу Александру Сухово-Кобылину.

И все-таки молодость, с ее волнениями, тревогами и надеждами, брала свое. «Жилось на Выксе очень приятно»²¹, - признается Е.М.Феоктистов. От поездок к Шепелевым остались «воспоминания весьма отрадны». Многие запомнились навсегда, многое и удивило. Умный, наблюдательный, Евгений Михайлович верно подметил странности в поведении и характере владельца имения - Николая Шепелева. Больше всего его, молодого человека из низов, который жил своим трудом и сам пробивал себе дорогу, поразили пустота и однообразие этой жизни... просыпался он (Н. Д.) не ранее 12-го часа и долго лежал с трубкой во рту; он был очень рад, если в это время кто-нибудь заходил к нему, и, следовательно, являлась возможность убить время в бессодержательной болтовне; затем часу в четвертом являлся он к обеду, а после обеда играл на биллиарде;

²⁰ Феоктистов Е. М. Глава из воспоминаний. - Л., 1926 - С.99.

²¹ Там же. - С.98-99.

А. В. Сухово-Кобылин

вечером же всегда устраивался или пикник, или гулянье на лодках и т.п. Когда все расходились спать, для Николая Дмитриевича наступало время настоящего бодрствования; при нем состояли два камердинера - дневной и ночной; обязанности последнего считались особенно важными, так как он должен был до трех часов утра, а иногда и позднее беспрестанно набивать трубку и держать наготове горячий самовар. В жизни моей я не встречал человека, который поглощал бы такое количество чая и выкуривал бы столько трубок, как Николай Дмитриевич! Единственно в этом и состояло его ночное бдение... Он или лежал на диване, или ходил из угла в угол, как будто погруженный в глубокую думу, но думал ли он о чем-нибудь - этого никто не мог угадать»²².

И так изо дня в день. Ни чтения книг, ни серьезных занятий Евгений Михайлович не видел. Но ведь это был хозяин имения и заводов, да еще поры их разорения, когда в Выксе уже находился опекун В. А. Сухово-Кобылин. Праздная, пустая барская жизнь! И у Евгения Михайловича сложилось впечатление: «Николай Шепелев неспособен был ровно ни к какому занятию»; то было совершенное подобие Тентетникова, изображенного Гоголем во II-ой части «Мертвых душ»²³, т.е. человека никчемного, ничтожного.

И все-таки у Шепелева одно любимое занятие было, и о нем Е. М. Феоктистов пишет подробно: о постановке им на Выксунской сцене любительских спектаклей. Евгений Михайлович участвовал в них. Вот его рассказ: «По временам, однако, Николаем Дмитриевичем овладевала судорожная деятельность, а именно, когда возникал вопрос об устройстве домашнего спектакля: он смотрел на это, как на дело величайшей важности; удовольствие превращалось

²² Феоктистов Е. М. Глава из воспоминаний. - Л., 1926 - С.107.

²³ Там же. - С.107.

для всех в мучение; он сидел почти безвыездно в театре, созывал на репетиции чуть ли не по два раза в день, приходил в отчаяние, когда относились к этому не совсем серьезно, надоедал каждому из нас бесконечными совещаниями о том, как надо гримироваться, какой надеть парик и т.п. В эти тяжкие для него дни несчастный заметно даже худел, ибо днем находился в лихорадочном возбуждении, а по ночам накачивал себя чаем, выкуривал бесчисленное количество трубок. А уж что происходило в самый день спектакля, об этом и говорить нечего»²⁴.

Не правда ли, рассказ Е. М. Феоктистова живой, яркий, интересный? Мы сразу представляем себе Николая Шепелева, чрезвычайную, болезненную его нервозность, бесконечную преданность театру. Это передано правдиво и тонко. Но, согласитесь, несколько удивляет снисходительный, даже насмешливый тон рассказа, как будто говорится о непонятной, нелепой барской причуде, а не о серьезном отношении к непростой, по существу - режиссерской работе.

Особенно очевидным становится это, если сопоставить рассказ Феоктистова с воспоминанием о том же событии другого его участника - Е. В. Салиас. Как и Евгений Михайлович, она рассказывает о режиссерской работе Шепелева (они были в одно время в Выксе), но говорит о ней, в отличие от него, с пониманием и глубоким уважением: «Часто устраивались домашние спектакли в павильоне сада, стоявшем между лесом и запустелым садом. Многие принимали участие в домашних представлениях и дошли в искусстве играть до удовлетворительной степени...». «Он (Н. Д.) устраивал домашние спектакли и требовал от игравших серьезного исполнения, что подавало повод к ропоту и ссорам, всегда скоро проходившим, ибо все жили мирно и весело, имея полную свободу заниматься, кто чем хотел»²⁵.

Высоко образованная, одаренная женщина, Елизавета Васильевна видит в Николае Дмитриевиче замечательные способности артиста и режиссера и редкий - во все времена - комический талант.

²⁴ Феоктистов Е. М. Глава из воспоминаний. - Л., 1926 - С.107.

²⁵ Салиас Е.В. (Е.Тур) Профессор П.Н.Кудрявцев. Воспоминания.// Полярная звезда. - 1881. - №3. - С.21.

Артистической одаренности Николая Шепелева Е. М. Феоктистовне разглядел, как не заметил и его «редкой сердечности и доброты» (Е. В. Салиас).

Чем же все-таки объяснить резко отрицательную оценку Николая Шепелева мемуаристом? Попробуем понять это.

Известный знаток и исследователь русской литературы XIX века Б. Моздалевский считал воспоминания Е. М. Феоктистова очень ценными и в то же время советовал подходить к ним с некоторой долей осторожности и критики: они «носят на себе отпечаток личности автора»²⁶ и отражают перемены в его жизни, в нем самом.

Воспоминания «За кулисами политики и литературы (1848-1896)» написаны в 1887-1896 годах.. К этому времени Е. М. Феоктистов сделал головокружительную карьеру, поднявшись из самых низов общества в самые верхи. Верой и правдой служил он властям и стал министром печати, гонителем просвещения. Современники не любили его за резкий, злой ум, напористый, сугубо деловой характер, за «ничтожество души».

Неузнаваемо изменились его жизнь, он сам со времени последнего посещения Выксы. Теперь он, шестидесятилетний, охладил к прошлому, расстался с демократическими симпатиями молодости, забыл салон и щедрый дом графини Е. В. Салиас, где его, безродного, пригрели и ввели в блестящее общество историков и литераторов. Е. М. Феоктистов окончательно разошелся с Сухово-Кобылиными, с которыми был близок с юности. Известны его несправедливые, отрицательные высказывания об Александре Васильевиче Сухово-Кобылине и Елизавете Васильевне Салиас. Порвал он и с их родней - Шепелевыми. Может быть, здесь причина недоброжелательной оценки Николая Дмитриевича?.. Может быть.

Есть, на мой взгляд, и другое объяснение. В главе воспоминаний - «О писателях и артистах» - Шепелевым отведено несколько страниц. Тех из них, кого автор знал лично, знал близко и долго, он называет людьми «шепелевской породы». Вот их общая, очень любопытная харак-

²⁶ Моздалевский Б. Вступление // Феоктистов Е.М. Глава из воспоминаний. - Л., 1926. - С.83-86.

теристика: «Это были люди большей частью умные и даровитые, но из ума и дарования их как-то не выходило ровно ничего; почему-то они никогда не умели приладиться к серьезному делу, а если занимались чем-нибудь, то всякая деятельность принимала у них уродливое направление. В любом из них проявлялась болезненная раздражительность, и фантазия преобладала над разумом. Наглядным примером этого могут служить, между прочим, сыновья Дмитрия Дмитриевича (Шепелева), с тем различием, что старший из них, Иван, через свою мать унаследовал кровь, текущую в жилах Андрея Родионовича Баташева...»²⁷.

Думаю, что это верные наблюдения, точные обобщения. Такая характеристика относится к каждому из братьев Шепелевых. Здесь Феоктистов не отрицает ума и дарования не только Ивана, но и Николая Шепелева. Но, видимо, ему чужды люди, у которых фантазия, воображение преобладают над разумом, трезвым расчетом, люди неделовые, непрактичные, и таким прежде всего был Николай Дмитриевич. В отличие от старшего брата - Ивана, энергичного, жесткого, самоуверенного, много удивившего на своем веку, он человек неактивный, слабохарактерный, нерешительный. Именно эта нерешительность Николая Шепелева, по мнению мемуариста, сыграла роковую роль в семейном конфликте. И у него, как у Ивана Дмитриевича, были свои причуды и странности. Нельзя не согласиться с Е. М. Феоктистовым и в том, что из ума и дарования братьев Шепелевых не вышло ничего: вместе с отцом они промотали богатство, созданное И. Р. Баташевым; не оставили сколько-нибудь заметного следа в искусстве, которому были преданы всей душой; не оставили после себя роду-племени; жизнь свою окончили плачевно. Рассказывая о финале жизни Николая Шепелева, Е. М. Феоктистов как будто сочувствует ему. «Впрочем, с тех пор, - пишет он, - мне не случалось бывать на Выксе, и только слышал я со всех сторон об окончательном разорении этого некогда славного поместья. Несчастный Николай Шепелев переехал в Москву и влачил до своей смерти печальное существование, нуждаясь иногда даже в самом необходимом».

²⁷ Феоктистов Е.М. Глава из воспоминаний. - Л., 1926. - С.102.

«Ближайший его (Ивана Родионовича) потомок, забытый всеми, сошел в могилу почти в нищете»²⁸.

Я привела свидетельства о Николае Дмитриевиче Шепелеве трех его современников: скрипача и композитора Н. Я. Афанасьева («Воспоминания»), крупного инженера и успешного предпринимателя А. И. Дельвига («Полвека русской жизни»), историка и литератора Е. М. Феоктистова («За кулисами политики и литературы. 1848-1896». «Глава из воспоминаний»). Это страницы о Выксе 40-50-х годов XIX века и ее тогдашнем владельце. Воспоминания неполные, обрывочные, даже противоречивые, написаны с разной степенью глубины и достоверности. Н. Д. Шепелев - фигура скромная, неяркая, как говорится, второго плана. Писать о нем непросто, сама в этом убедилась.

Но чем больше автор мемуаров знал Николая Дмитриевича, чем лучше понимал его, тем правдивее о нем рассказал. По моему мнению, наиболее интересны, художественны, глубоки воспоминания Евгения Михайловича Феоктистова. И это не случайно. В основе их, как отмечает исследователь, «не шаткий материал случайных припоминаний, а веденные в течение ряда лет дневники, сбереженные письма и документы, тетради специальных записей...»²⁹. Но и у Феоктистова есть односторонние оценки и предвзятые суждения. И он прошел мимо главной страсти Николая Шепелева - большой любви к театру.

Каждый автор мемуаров высказал свое мнение о нашем герое, сообщил известные ему факты, с ним связанные. Взятые вместе, воспоминания современников позволяют с определенной уверенностью представить себе Николая Шепелева. Внешне невзрачный, болезненный, он был человеком мягким, впечатлительным, легко ранимым, нерешительным. Трудностям и сложностям жизни противостоять не мог. После смерти отца находился всецело во власти старшего брата. Ивана, потом, в пору семейного раздора, поступал согласно воле родственников. Легко, с удовольствием подчинялся своему другу Александру Сухово-Кобылину, человеку сильного характера.

²⁸ Феоктистов Е. М. Глава из воспоминаний. - Л., 1926. - С.109.

²⁹ Оксман Ю. Г. Е. М. Феоктистов и его воспоминания. - Л., 1926..

Став хозяином Выксы, делами заводов и поместья не занимался, и, видимо, немного в них понимал. Вот что говорит исследователь нашего времени: «Как свидетельствуют документы, Николай Шепелев, был человек слабого характера, лишенный от природы способности понимать управление имением» (Очень серьезное утверждение).

В быту Николай Дмитриевич был далек от житейских забот, жил по-барски беспечно. Новому человеку он мог показаться недалеким, неразвитым, ко всему равнодушным. На самом деле в его душе жили и маленькие увлечения, и большие страсти. Вопреки оценкам А. И. Дельвига и Е. М. Феокистова, я бы не назвала его тупым или ничемным человеком.

В приведенных мною мемуарах больше говорится об отношениях в семействе Шепелевых, о разладе между родственниками, совсем немного - о Николае Шепелеве, хозяине Выксы, - и нет ничего о его внутренней жизни, о нем как о театральном постановщике спектаклей на домашней сцене. А именно театру, по словам Н. Д. Комовской (см. статью «Из истории крепостного театра в Выксе»³⁰), - Николай Дмитриевич отдавал все силы и время. Напомню: А. В. Сухово-Кобылин высоко ценил тонкое понимание сценического произведения Н. Шепелевым, не раз обращался к нему за советами во время работы над своими пьесами. Е. В. Салиас с уважением говорила о его артистических способностях и режиссерской работе. К сожалению, ни Сухово-Кобылин, ни Салиас воспоминаний о Выксунском театре, о театральной деятельности братьев Шепелевых не оставили.

Я познакомила вас, наши читатели, не только с Николаем Дмитриевичем Шепелевым, но и с его мемуаристами. Это люди известные, высокообразованные, талантливые. Все они лично знали Н. Д. Шепелева. Их воспоминания содержат множество любопытных фактов из жизни Выксы середины XIX века, помогают нам понять прошлое и правильно оценить владельцев Выксы.

СОДЕРЖАНИЕ

Ирина Гасановна Кусова

А. Р. Баташев и его потомки на рязанской земле 3

Галина Константиновна Никулина

Проволоченский завод 19

Оставили след 23

Сновенские заводы 27

О чем умолчал граф Толстой 31

«Сусанна» 35

Елена Ивановна Липатова

Пока крепки корни... 39

Валентина Васильевна Балдина

Николай Шепелев 47

²⁸ Комовская Н. Д. Из истории крепостного театра в Выксе.//Люди русского искусства

Издательство **A4**
603000, Нижний Новгород
ул. Короленко, д. 19^А
Телефон (831) 277-10-99
E-mail: a4@infonet.nnov.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
ОАО «Нижегородский печатник»
603116, Нижний Новгород,
ул. Гордеевская, 7
Телефон (831) 241-02-69
E-mail: oao_np@mail.ru

Подписано в печать 12.12.07
Формат 84x108^{1/32}. Бумага офсетная
Гарнитура Newton. Печать офсетная
Усл. печ. л. 3,34. Уч.-изд. л. 2,88
Тираж 999 экз. Заказ № 5080

*Общество выксунских краеведов благодарит
главу администрации района Алексея Степановича Соколова
и начальника управления культуры Юрия Владимировича Жулина
за помощь в издании альманаха*